

ISSN 0134-837X

Книга

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

---

the Book

RESEARCHES AND MATERIALS

MISCELLANY

72

Published since 1959

МОСКВА
«ТЕППА» — «TERRA»
1996

РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Книга

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

СБОРНИК

72а

Издается с 1959 года

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

Л. М. Равич

МИХАИЛ ЛОНГИНОВ, БИБЛИОФИЛ И УЧЕНЫЙ

Имя Михаила Николаевича Лонгинова мало что говорит современному читателю, даже специалисту. Нельзя, однако, сказать, что оно забыто: в любом исследовании, посвященном 50—60-м годам XIX в., кругу «Современника» и библиографии той поры, мы найдем упоминания о нем, сопровождаемые, как правило, бранными эпитетами. Он — формалист, представитель какой-то немислимой «библиографии для библиографии», будто бы созданной по аналогии с искусством для искусства (С. А. Рейсер)¹, он — «враг революционных демократов» и клеветник (Г. П. Макогоненко)², он — «лютейший обскурант» и таким был и в свои молодые годы, когда слыл либералом (П. Н. Берков)³ и, наконец, он — ренегат! Это словечко сопровождает Лонгинова повсюду.

Никто из упомянутых авторов не воздал должного ни громадной эрудиции Лонгинова, ни его большим

заслугам перед историей литературы и культуры.

В любой цивилизованной стране исследователю такого ранга хоть посмертно нашлось бы почетное место в истории науки, невзирая ни на какой «обскурантизм» (тем более, если, как в данном случае, он никак не отразился на его трудах). Но у нас, при трагической политизации общественной мысли, прежде, чем оценить вклад ученого в ту или иную область знания, спрашивают, к какому «лагерю» он принадлежал, как будто участие в развитии отечественной науки само по себе не является прогрессивным деянием. Это, конечно, не вина, а беда нашей интеллигенции: это ответ на гнет и пренебрежение духовной жизнью, характерные для российских властей во все времена. Приходится только удивляться упругости русской культуры, каждый раз почти без потерь высказывавшей из медвежьих объятий «православия, самодержавия и на-

¹ Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с IX века по 1917 год. М., 1956. С. 224; Его же. Палеография и текстология нового времени. М., 1970. С. 113.

² Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение в XVIII веке. М., 1951. С. 13 и др.

³ Берков П. Н. М. Н. Лонгинов в 60-х годах // Лит. наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 737.

родности», пока на нее не насел такой медведь, по сравнению с которым зловещий Уваров мог показаться аркадским пастушком. Естественно, что в глазах наших идеологов Лонгинов не заслужил ничего, кроме брани, в лучшем случае забвения, как и все оппоненты тех, кого у нас именуют «революционными демократами»:

А. В. Дружинин, В. П. Боткин, А. А. Григорьев и др. Лишь благодаря трудам и усилиям Б. Ф. Егорова⁴ и (в меньшей степени) других ученых они вернулись к нам. Пора сделать то же и по отношению к Лонгинову. Его литературоведческие и исторические труды, его увлекательные «рассказы о книгах» нисколько не устарели и были бы с интересом прочитаны всеми любителями русской культуры, да и специалистами тоже. Изъяв их из употребления, мы наказали только самих себя, как это уже не раз бывало в отечестве. И давно пора рассказать о подлинном Лонгинове, не только об «обскуранте» и порнографе, проводившем дни «под сению кулис и под кровлею борделя», как хочет нас уверить А. М. Ранчин⁵, проецируя эпизод из биографии молодого Лонгинова на всю его жизнь, полную трудов и поисков, а о замечательном библиофиле и авторе более чем трехсот сочинений, научный потенциал которых далеко еще не исчерпан.

Жизнеописание — труднейший жанр, в особенности когда речь идет о биографии человека, много десятилетий подвергавшегося остракизму. Возмущаясь несправедливостью, допущенной по отношению к Лонгинову как иными из его современников, так и марксистской наукой, трудно не впасть в апологетический тон и,

как нынче сплошь и рядом встречается, «поменять минусы на плюсы». Но есть его труды, которые могут служить его «визитной карточкой», есть архив (ИРЛИ), представляющий богатейшую россыпь вполне достоверных материалов...

Итак, на суд читателя выносятся опыт биографии, не претендующей на исчерпывающую полноту (хотя бы в силу ограниченного объема статьи), но свободной от домыслов и основанной на документах. Социальная психология людей прошедших эпох и мотивация их поступков — во многом «вещь в себе», здесь возможны и промахи, и невольная модернизация. За все это, буде оно обнаружится, автор заранее просит извинения у своих читателей.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЧЕРНОКНИЖНИКИ

Михаил Николаевич Лонгинов родился в 1823 г. в семье человека видного и сановного: действительно тайного советника, сенатора, члена Государственного совета, статс-секретаря и поверенного лица императрицы Елизаветы Алексеевны, занимавшего в течение жизни ряд ответственных должностей. Его отец был известен как либерал, англоман, сторонник конституционной монархии. Эти взгляды усвоили и его сыновья. В доме Лонгиновых в Петербурге бывали многие выдающиеся люди того времени. Мальчикам давали уроки Жуковский и Гоголь. Домашняя обстановка, а затем учеба в Царскосельском лицее способствовала раннему пробуждению интереса к литературе у мальчика Миши.

В 1838 г. он поступил в Петербург-

⁴ См., напр.: Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской литературной критики середины XIX в. Л., 1973 и множество его статей.

⁵ Под сению кулис и под кровлею борделя («Писатель не для дам» М. Н. Лонгинов)/Публ. А. М. Ранчина//Лица: Биограф. альманах. М.; СПб., 1993. № 2. С. 389—456; Его же//Рус. писатели. 1800—1917. М., 1994. Т. 3. С. 386—389.

ский университет, на камеральное отделение юридического факультета, который окончил в двадцатилетнем возрасте и откуда не вынес ни знаний, ни склонности к юриспруденции. В середине 1840-х гг. он поступил на службу в хозяйственный департамент Военного ведомства, получил камер-юнкерство — и начался период кутежей, «театральств» (как он сам называл это), сочинения непристойных стихов, пародий и т. п. Правда, среди опусов этого времени у молодого Лонгинова встречаются стихи далеко не невинные в политическом отношении, как, например, ходившая в списках, а затем попавшая на страницы Вольной русской печати баллада «Два рыцаря»⁶ («Два остзейские барона, Мерзенштейн и Гаденбург, чтоб опорам быть трона, снарядились в Петербург...»), ядовито высмеивающая засилье немцев в российском правительственном аппарате (это было еще в николаевские годы: «опорою трона» был немец Бенкендорф).

В это же время (и, весьма вероятно, именно как автор известного рода стихотворений) он стал своим человеком в кружке «Современника».

В 1930 г., когда еще можно было (по инерции) говорить нечто правдивое о Некрасове и его окружении, В. Е. Евгеньев-Максимов писал: «Кружок Белинского, лишившись в мае 1848 года своего вождя и вдохновителя, не уберется от деморализации, охватившей русское общество <...> Деморализация эта привела к разнузданию чувственных влечений и барственно-сипаритских предрасположений, столь свойственных психике интеллигента 40-х годов <...> Начался грустный период «чернокнижия», с его литературным

гаерством, с дружескими собраниями, на которых поглощение огромного числа яств и питий чередовалось с анекдотами, уснащенными „аттической солью“ и картежным азартом»⁷. Вот в такое сообщество в конце 40-х годов был принят М. Н. Лонгинов. В эту развеселую мужскую компанию, кроме Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, входили И. С. Тургенев, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин, В. П. Гаевский, В. П. Боткин, А. А. Фет, близкий к литературным кругам М. А. Языков и др. На одну из панаевских суббот в декабре 1852 г. был приглашен А. В. Никитенко, одно время числившийся официальным редактором «Современника». «Там были,— записывает он в своем знаменитом „Дневнике“,— М. Н. Лонгинов, автор замечательных по форме, но отвратительных по цинизму стихотворений, А. В. Дружинин, Некрасов, Гаевский Виктор Павлович и т. д. После обеда завели самые скоромные разговоры и читали некоторые из „Парголовских элегий“ во вкусе Баркова. Авторы их превзошли самих себя по цинизму образов в прекрасных стихах. Вот где теперь надо искать русскую поэзию. Неужели это весело, господа?»⁸ Характерно, что сыну крепостного, добившемуся благодаря своим способностям и усердию высокого положения, барское изящное сквернословие было отвратительно, неприемлемо настолько, что этот ригорист, не Бог весть какого ума, сумел связать его с наступившей политической реакцией. Но барам было весело, они не очень-то унывали даже в это мрачное время.

«Раз, в два часа ночи,— вспоминает А. Я. Панаева,— мы сиде-

⁶ См.: Вольная русская поэзия второй половины XVIII и первой половины XIX века. М., 1970. С. 681—683. (Б-ка поэта. Большая серия, 2-е изд.)

⁷ Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и его современники. М., 1930. С. 104.

⁸ Никитенко А. В. Дневник в трех томах. М., 1955. Т. 1. 1826—1857. С. 355 (Сер. лит. мемуаров).

ли и слушали рассказ Панаева, только что вернувшегося домой с новостями о деле Петрашевского и его соучастников. В эту самую минуту раздался сильный звонок в парадной двери. У всех мелькнула одна и та же мысль: какой мог быть посетитель в такую пору? <...>

Тревога оказалась напрасной. Это был Лонгинов, вздумавший захватить к нам»⁹. М. Н. Лонгинов был однокашником и приятелем Петрашевского, имел с ним множество общих знакомых и, вероятно, мог раздобыть такие сведения, с которыми срочно хотел ознакомить своих друзей. Какова же была близость между ними, если он мог среди ночи как ни в чем не бывало явиться в семейный дом!

Но Михаил Николаевич был не только своим человеком в доме Некрасова—Панаева. С 1848 по 1857 г. он — деятельный и постоянный сотрудник «Современника», автор более сорока публикаций. Ему посвящает печатно свою повесть «Пасека» («Современник», ноябрь 1849 г.) та же Авдотья Панаева, некоронованная царица этого кружка. Сотрудничество в этом журнале, конечно же, не свидетельствует о симпатии Лонгинова к «революционным демократам», которых, впрочем, в то время никто так не называл, да и к журналу они только подбирались. Но либералом он был отчаяннейшим, — до такой даже степени, что презирал Л. Н. Толстого за его равнодушие к общественным вопросам. Дело чуть не дошло до дуэли.

Этот эпизод заслуживает отдельного рассказа. В своих воспоминаниях П. А. Сергеенко приводит историю, рассказанную Львом Николаевичем Толстым: «Зимой 1855—1856 гг. он (Толстой Л. Н. — Л. Р.) был на вечеринке у Некрасова... После обе-

да сели играть в карты. Некрасову принесли письмо от Лонгинова, бывшего позднее начальником цензуры, но в пятидесятых годах иногда кокетничавшего с „Современником“ и любившего, чтобы его считали за большого либерала. И вот, неизвестно почему, М. Лонгинову вздумалось написать Некрасову в некорректной форме относительно недостаточного свободомыслия последнего, а Некрасов, неизвестно почему, счел нужным прочитать Толстому выдержку из письма Лонгинова. Вероятнее всего, что Некрасов посмотрел на выходку Лонгинова, как на комический эпизод. Но Толстой посмотрел на это иначе. Он ничего не сказал Некрасову. Но, придя домой, послал Лонгинову резкое письмо с вызовом на дуэль.

На другой день вместо секундантов к Толстому приехал Некрасов. Он был взволнован и удручен.

— Если вы не возьмете вашего вызова Лонгинову назад, — сказал Некрасов, — то вы и со мной должны будете стреляться. Я — виновник всей заварившейся каши и должен нести за нее ответственность.

Но Толстой вызова своего назад не взял. Напротив, будучи в тот же день на каком-то собрании, где присутствовал и Лонгинов, Л. Н. несколько раз проходил мимо него à la Лермонтов, — с вызывающим, мрачным видом. Лонгинов, однако, ничего не ответил. И все свелось в конце концов на нет, несколько не омрачив отношений между Толстым и Некрасовым...»¹⁰ В этом происшествии оба друга выглядят весьма некрасиво: Некрасов как сплетник, а Лонгинов как трус. Однако на самом деле все было совсем не так, и этот случай — еще одно подтверждение того, что к воспоминаниям, особенно написанным или продиктованным

⁹ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972. С. 179.

¹⁰ Сергеенко П. А. Толстой и его современники. М., 1911. С. 29—30.

в глубокой старости, надо относиться с большой осторожностью. К счастью, сохранились письма Некрасова к Лонгинову и к Толстому, написанные в разгар этой истории. «Любезный Лонгинов,— пишет Некрасов из Петербурга в Москву 20 марта 1856 г.— Вчера ты получил письмо, которое привело тебя в недоумение (без сомнения, речь идет о том самом „грубом и резком“ письме, о котором вспоминал Толстой.— Л. Р.). Вот в чем дело. Я играл с Толстым в пикет, когда принесли из конторы присланный тобою пакет на имя Панаева. Так как он в то же время был адресован в редакцию „Современника“ и по форме своей заключал статью,— то я распечатал его. Мне нужно было сдавать и поэтому я, бросив записку на стол, сказал Толстому: „Читайте вслух“. (Все это происходило еще при двух лицах. Толстой прочел тут несколько слов о самом себе — и результатом этого-то и было письмо к тебе. Если есть виноватый в этом деле, то это — я. Я и буду иметь дело с Толстым; а тебя прошу извинить меня за невольную мою и глупую неосторожность, и сохранить все это в строжайшей тайне»¹¹. Из этого следует: во-первых, Лонгинов в это время был в Москве (куда он переселился еще за два года до этого случая), и потому Толстой никак не мог проходить мимо него «с вызывающим видом» (такой эпизод мог иметь место по отношению к какому-нибудь другому персонажу,— молодой Толстой был драчлив и шепетил в вопросах чести). Во-вторых, Некрасов, нежно любивший

Лонгинова, никак не мог желать этой ссоры, и только его серьезное отношение к карточной игре вызвало такой промах. Уехав вскоре в деревню, Толстой опомнился и принес Некрасову свои извинения. «Рад я об Лонгинове,— отвечал поэт,— и не сомневался, что Вы дойдете до истины»¹².

Либерализм Лонгинова, вопреки утверждению П. Н. Беркова¹³, был вполне искренним и органичным (достаточно вспомнить его воспитание и окружение). Надо было пройти сквозь строй нигилистических выпадов, незаслуженных оскорблений и насмешек над делом всей жизни; надо было прочесть кровавые прокламации начала 60-х годов, призывавшие вырезать сто тысяч дворян; надо было пережить выстрел Каракозова и процесс Нечаева с оглашенным на нем ужасающим «Катехизисом революционера», чтобы отказаться от либеральных иллюзий и перейти на позиции здорового консерватизма¹⁴.

В своем кружке (и не только в нем) Лонгинов был всеобщим баловнем и любимцем. «Милый, душевно любимый и уважаемый мною Лонгинов»,— так обращается к нему Некрасов¹⁵. «Ну, душа моя, Михаил Николаевич,— пишет ему Тургенев в 1856 г.,— порадовал ты меня своим письмом! Я как нарочно все это время ни от кого строки не получал — и вдруг твой четкий, круглый, восхитительный почерк! <...> Остаюсь навсегда душевно тебя любящий Ив. Тургенев». Он же писал: «Не знаю, как благодарить тебя за твое участие, аккуратность и готов-

¹¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 10. Письма. С. 266.

¹² Там же. С. 284.

¹³ Берков П. Н. Указ. соч. С. 737.

¹⁴ См. письмо Лонгинова к А. М. Жемчужникову от 1 марта 1863 г. с изложением его политического сredo. Он объявляет себя сторонником конституционной монархии и противником «царства демократии под диктатурой» (Лит. наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 752—754).

¹⁵ Некрасов Н. А. Указ. соч. С. 346.

¹⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма в 13 томах. М.; Л., 1961. Т. 3. С. 36, 38, 71.

ность услужить. Просто ты милейший человек, и я лобызая тебя в чело и ланиты» (1857)¹⁶.

Письма Панаева к другу еще более нежны. Когда Лонгинов в 1854 г. переехал в Москву, его друзья ощущали это как большую потерю. «Отсутствие твое из Петербурга,— пишет Панаев,— наводит на всех на нас уныние»¹⁷. Вскоре ему шлет письмо один из усерднейших посетителей кружка — М. А. Языков. Описывая свое посещение Панаева, он сообщает: «Главным предметом нашего разговора был ты. Без тебя все мы реже видимся и вообще как-то стало скучнее»¹⁸. А когда до Петербурга дошел слух о предстоящей женитьбе Лонгинова на Александре Дмитриевне Левшиной (этот брак был заключен по взаимной любви и был счастливым), — тот же Языков, выражая всеобщее чувство, писал: «При этом известии тихая радость овладела мной, и желание тебе счастья было так полно, страстно и искренно, что я до сих пор ношу в душе моей это чувство при воспоминании о тебе. Мне всегда сильно хотелось, чтобы ты был награжден любовью высокой за твою любящую и нежную натуру и за постоянное желание быть полезным людям»¹⁹. Так же сердечно поздравляли его с обретением семейного счастья Некрасов, Панаев, Тургенев и все, кто его знал. Дело в том, что Лонгинов был не только обаятельным малым, душою общества, весельчаком и балагуром, но и прекрасным товарищем, преданным другом. К нему постоянно, буквально до последних дней (пока он был на ногах), обращались со всевозможными просьбами его знакомые и приятели,

и он аккуратнейшим образом их исполнял. В коллективном стихотворном послании к нему Тургенев, Некрасов и Дружинин пишут: «Ужели, Лонгинов, ты бросил нас навек/Любезнейший поэт и редкий человек?»²⁰ Доброта Лонгинова, его приветливое обращение со всеми, даже людьми ему совершенно чужими, засвидетельствовано мемуаристами.

И еще об одной черте Михаила Николаевича хочется рассказать: он никогда не мстил бывшим друзьям, ставшим противниками. После его разрыва с кружком Некрасова, происшедшего в самом конце 1859 г. из-за Тургенева (Лонгинов был поставлен перед необходимостью выбора между ним и Некрасовым), разрыва далеко не безболезненного для Лонгинова, недавние друзья Панаев и Некрасов начали целую кампанию по его дискредитации. Каких только насмешек он не натерпелся! Каким издевательствам не подвергался! Но ни разу он не позволил себе, даже в самых резких антинигилистических выступлениях, переходить на личности. В 1866 г. в предисловии к посмертно изданным сочинениям А. В. Дружинина он с теплотой вспоминает тот кружок, к которому принадлежали оба они в молодые годы²¹. Когда он уже был начальником Главного управления по делам печати и Некрасову потребовалось разрешение на утверждение его официальным редактором «Отечественных записок», бывший друг, всячески поносивший в свое время Лонгинова, не постеснялся прийти к нему и был просто изумлен приемом. «Лонгинов меня встретил на ты,— сообщает он В. М. Лазаревскому.— Говорили мало, ибо был Богуше-

¹⁷ Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 220.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов 23317. Письма А. М. Языкова. 19 авг. 1854 г. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Л. 3. (19 янв. 1855 г.).

²⁰ Лица: Биограф. альманах. 2. М.; СПб., 1993. С. 451—453.

²¹ Лонгинов М. Н. Вместо предисловия: (Листок из воспоминаний)// Дружинин А. В. Собр. соч. М.; СПб., 1866. С. X—XI.

вич»²². И, конечно, просьба Некрасова была тут же удовлетворена. Простил Лонгинов и Тургенева, нелестные отзывы которого о нем в поздние годы были ему, надо полагать, хорошо известны. Иван Сергеевич тоже, несмотря на все возмущения либерала «ретроградом», до последних дней обращался к нему со всевозможными просьбами, и тот их выполнял.

«НЕДАВНИЙ ГРАЖДАНИН ДРЯХЛЕЮЩЕЙ МОСКВЫ»

Этой строкой открывалось упоминавшееся коллективное «Послание к М. Н. Лонгинову». Москва, где он прожил двенадцать лет, оказала на Михаила Николаевича самое благотворное влияние. Здесь он обрел семейное счастье, здесь он приобрел славу видного знатока русской литературы, здесь он сблизился с умнейшими людьми — Чаадаевым и Хомяковым, здесь началась его неутомимая война с нигилистами... Какие же причины побудили его расстаться с родным городом, с друзьями, с привычным образом жизни, со всем тем, что привязывает человека к определенному месту? Ведь его брат Дмитрий остался в Петербурге, получил камергерский ключ, сделал блестящую карьеру... Михаилу ничего этого в столице «не светило». Репутация отчаянного либерала могла сходить с рук, пока был жив отец. Но в декабре 1853 г. Николай Михайлович умер. И наш герой тут же переехал в Москву, где получил должность достаточно скромную, но зато более или менее независимую: чиновника по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, небезызвестном «Арсюшке» Закревском. Этот бурбон, по-видимому, благоволил к молодому Лонгинову

и не слишком обременял его служебными поручениями.

При Московском университете, более или менее благополучно пережившем моровую полосу николаевского царствования, издавна существовало Общество любителей российской словесности, но к концу 1830-х гг. оно захирело и почти перестало подавать признаки жизни. В эпоху общественного оживления, последовавшую за смертью «Незабвенного родителя», москвичи вспомнили о славном прошлом Общества. Надо было приложить массу энергии, сил, самоотверженности, наконец, чтобы оживить это почти мертвое объединение. За это дело и взялся неутомимый Лонгинов, сумевший привлечь самых авторитетных москвичей, — и преуспел. В 1858 г. возобновились и уже не прекращались до разгона Общества советской властью его насыщенные интересными сообщениями заседания. Авторитет Лонгинова среди московских интеллектуалов был настолько высок, что он с 1859 по 1864 г. (пока сам не снял свою кандидатуру) избирался секретарем Общества любителей российской словесности. Н. П. Гиляров-Платонов вспоминал: «... Его заботливость об Обществе и энергия были беспримерны. Он искал, понуждал, торопил. Самый первоклассный режиссер театра мог позавидовать в рвении и искусстве, с какими Лонгинов ставил заседание, — можно так выразиться. Сейчас вижу его на публичных собраниях. Он весь впивался в чтение; можно сказать сопутствовал чтецу, читал, только молча, вместе с автором. В ожидании счастливого места речи приготовительная улыбка уже озаряла его лицо; глаза расширялись и все мускулы начинали ходить, когда ожидаемый эффект достигнут и публика рукоплескала»²³.

²² Лит. наследство. М., 1949. Т. 51/52. С. 52.

²³ Сборник Общества любителей российской словесности на 1890 г. М., 1890. С. 146—152.

А какие крамольные речи произносил сам секретарь! Постоянные иронические и гневные кивки в сторону «петербургского бюрократического олимпа» можно найти в каждом его выступлении. А когда в высших цензурных инстанциях было отклонено ходатайство Общества об издании его трудов без цензуры (что практиковалось в то время), Лонгинов воспринял это как знак недоверия к нему лично тех, кого он называл «Петербургские силы и власти». В другой речи он так охарактеризовал цензуру: «Это почтенное учреждение, отличающееся обыкновенными своими и явными для всякого качествами: непоследовательностью и непониманием пользы, безвредности или вреда того, что подлежит его рассмотрению, следующее, как флюгер, за дуновением ветра, какой пахнет по направлению того или другого влияния или личных отношений в мире бюрократии, продолжает, однако, иметь начало над обществом ученых людей и серьезных литераторов»²⁴. В знак протеста Лонгинов и Погодин сняли свои кандидатуры. Вот какова была позиция «обскуранта» Лонгинова в середине 60-х годов.

В это же время началась война Лонгинова с нигилистами. Первопричиной ее явилась защита Общества любителей российской словесности от нападок «прогрессивной» прессы, смотревшей на него, как на барскую затею. Пока нападали на Лонгинова лично, он не отвечал. Но когда дело дошло до Общества, — он со свойственным ему темпераментом ринулся в бой. Отбиваться от противников «слева», в распоряжении которых была почти вся популярная периодика, было еще труднее, чем от цензурных инстанций. Особенно усердствовала «Искра», где в 1860 г. был помещен це-

лый цикл стихотворений-фельетонов В. С. Курочкина под общим заголовком «Письма любителя российской юмористической словесности»: «Дилетантизм в благотворительности», «Дилетантизм в литературе», «Дилетантизм в науке» и др. Я не буду здесь цитировать эти «цветы невинного юмора»: они печатаются во всех изданиях стихотворений Курочкина. Лонгинов отвечал. В свару вмешался «Современник» (к тому времени уже добролюбовский). Отношение журнала к Обществу было высказано в одном из обзоров (май 1860 г.): «Оно доставляет очень приятное времяпрепровождение своим членам и возможность несерьезным людям казаться серьезными <...> Это, собственно, литературная прихоть, роскошь <...> Дайте нам прежде насущного хлеба, а потом угощайте цветами, выводимыми в теплицах искусственно»²⁵. Перед этой великолепной тирадой дано пародийное описание вечера у графа Д. И. Хвостова, на котором секретарствует «господин Л. в привезенной из Китая одежде мандарина». Напомню, что в представлении людей того времени Китай был символом застоя и неподвижности. Так, в «Литературной травле» Некрасова сказано о герое-консерваторе: «Ты варвар, ты китаец/Друг мрака/враг успеха» (т. е. прогресса). Если «г. Л.» — это Лонгинов, в чем трудно усомниться, а автор фельетона — И. И. Панаев (так как именно он вел рубрику «Петербургская жизнь»), то каковы же были нравственные правила этого человека: ведь буквально за несколько месяцев до этого, в декабре 1859 г., он письменно объяснялся в любви к Лонгинову (к его письму есть приписка и Некрасова). В декабре они его любили, а в мае следующего года не нашли ничего

²⁴ Лонгинов М. Н. Соч. М., 1915. Т. 1. С. 566.

²⁵ Современник. 1860. № 5. С. 107.

лучшего, как сделать героем издевательского фельетона.

Нас хотели уверить, что дело тут было в классовой борьбе, в противостоянии идеологий. Так неужели идеологическая позиция Лонгинова претерпела радикальные изменения за полгода? Нет, все было гораздо проще и непригляднее: бывшему другу не простили того, что он встал на сторону Тургенева в распри последнего с «Современником». Ведь и перед Некрасовым тогда встала дилемма: Тургенев или Добролюбов (так сформулировал проблему сам Иван Сергеевич: или я, или он). И хотя, естественно, Тургенев, друг молодых лет, человек одного с ним круга, талант, чрезвычайно много сделавший для поднятия престижа «Современника», был Некрасову в тысячу раз ближе бойкого мальчишки, — редактор победил в нем человека.

В случае же с Лонгиновым не было даже этого жалкого оправдания: была многие годы не забывавшаяся обида человека злопамятного и не слишком разборчивого в средствах. Вот и вся «идеология». Что же касается «Искры», то ей только бы позубоскалить, а объектами она не стеснялась: тому же «Современнику» доставалось от нее на орехи. Она продолжала травить Лонгинова с неизменным упорством. В 1863 г. на ее страницах были опубликованы курочкинские «Рапсодии о нигилизме». Тут среди героев «крестового похода» против нигилистов в одном ряду названы Тургенев, Катков, Лонгинов и в свое время очень приметный, а ныне забытый П. Д. Юркевич, философ, с успехом выступавший против вульгарного материализма и зато ругаемый всеми нашими прогрессистами (и, конечно, советскими историками). С Юркевичем связан

эпизод, который невозможно обойти биографу Лонгинова.

На одной из публичных лекций Юркевича в Москве (в 1863 г.) некто А. Рогов послал ему записку (без подписи), в которой было сказано: «Если в следующих лекциях вы не оставите цинизма, не будете с достоинством относиться к материалистам, то услышите уже не шиканье, а свист»²⁶. Эпизод этот вызвал большой шум в прессе; серьезные издания выражали возмущение; «левые» бросились на защиту молодого героя. А Лонгинов ринулся защищать, — нет, не Юркевича, а свободу мнений и слова, точно так же, как он в эти годы обрушивался на цензуру, он напал на «высокомерное невежество» (А. К. Толстой), стремившееся заткнуть рот любому инакомыслящему. В «Письме к редактору», напечатанном в «Московских ведомостях» (март 1863 г.), он отмечал: «В случившемся на лекции 9 марта есть особенная сторона, на которую не худо бы обратить внимание публики, чтобы разъяснить ей, чего должно ожидать, если бы известного рода тенденции восторжествовали в науке и в жизни. Автор анонимного письма к г. Юркевичу (т. е. А. Рогов), конечно, считает себя принадлежащим к числу благодетелей человечества *in spe*, к числу поборников прогресса и свободы. С каким же выступил он оружием? С подметным письмом, которое содержит в себе угрозы, чтобы насиловать чужие убеждения и заставить молчать противника. Признак интересный для наблюдения. Поборники материализма не могут оправдаться тем, что открытое изложение их учения им невозможно. Уже несколько лет они проповедовали его публично и глумились над теми, которые не принадлежат к числу материалистов. А когда профессор осмелился не

²⁶ См.: Курочкин В. С. Собр. стихотворений. М., 1947. С. 555 (Б-ка поэта).

благоговеть перед каким-нибудь Бюхнером и высказать о нем свое мнение, они хотят застрашать его. Вот они, провозвестники свободы *sui generis*, вот они, друзья человечества, хотящие устроить судьбу его. Теперь они могут, слава Богу, угрожать только свистками и тому подобным. Но и этого довольно, чтобы судить, чем бы они стали грозить и как бы они действовали, если бы, к несчастью, им привелось когда-нибудь чем-нибудь распорядиться... Надобно, чтобы в общее суждение у нас вошла, наконец, истина, доказанная историей относительно известного рода народолюбцев, что за их громкими угрозами скрывается поползновение к грубейшему деспотизму».

Эти пророческие слова, свидетельствующие о проницательности их автора (в отличие от своих благодушествовавших друзей уже тогда забившего тревогу), были с издевательским комментарием перепечатаны в «Современнике», где в это время в качестве главного идеолога подвизался дубоватый Антонович, у которого была монополия на «разоблачение» Лонгинова. Впрочем, в этом ему помогал и Салтыков-Щедрин (которому должно было быть стыдно вообще подвизаться в такой компании). Вот пример «тонкого» юмора последнего: «Носится слух, что некто, увидев в английском клубе М. Н. Лонгинова, сказал: „Сей человек утонул, распух, да с тех пор в оном виде и остался“»²⁷. Имя Лонгинова упоминается Салтыковым не раз. Мы встречаем его в фельетонах «Современника»: «Секретное занятие», «Сопелковцы и неблагоприятный анекдот о г. Юркевиче, или Искание розы без шипов» и др. А в «Песне московского дервиша», сочиненной для «Свистка» В. П. Бурениным (тем самым, который впо-

следствии прославился хулиганскими нападками на все передовое в русской культуре, а в 60-е годы примыкал к нигилистам), Лонгинов представлен каким-то припадочным, который «закатывается и не понимает сам, что говорит». Лонгинов не снисходил до полемики с этими личностями. Его «антинигилистические» статьи носят принципиальный характер и обнаруживают в нем задатки государственного деятеля. Увы, его трезвый голос не был услышан и не заставил людей его круга ужаснуться от мысли о том будущем, которое прочили им доморощенные разрушители. Среди таких выступлений Михаила Николаевича следует назвать также статьи «Белинский и его лже-ученики» и «Что значит договориться». Первая из них, как уже ясно из ее названия, направлена против представителей так называемой реальной критики. С неизменным уважением отзываясь о самом Белинском (первое издание сочинений которого он приветствовал двумя восторженными рецензиями)²⁸, Лонгинов, как и Дружинин и Кавелин, считал его безвинно виноватым в том, что он породил самозванных учеников, сумевших взять у него только его слабые стороны. Известно, что крайне отрицательное отношение к критикам «Современника» было присуще почти всем видным писателям его времени, уже в конце 1850-х гг. покинувшим журнал.

А вот вторая статья заслуживает более подробного изложения. Она была ответом на дикие писания Писарева о Пушкине. Заметим, что статья «Пушкин и Белинский», напечатанная в «Русском слове» (1865), равно оскорбляла и память критика. Русские писатели (да и просто культурные люди) были возмущены этой

²⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1966. Т. 5. С. 160.

²⁸ Моск. ведомости. 1859. № 44; Моск. вестник. 1860. № 20.

выходкой, но выражали это в письмах, воспоминаниях, записках; печатно же не выступил никто. Даже такие казалось бы страстные поклонники Пушкина, как Тургенев и Достоевский, как воды в рот набрали. Но Лонгинов промолчать не мог. Его статья «Что значит договориться», опубликованная в «Современной летописи», — воскресном приложении к «Московским ведомостям», исполнена такого негодования, как ни одно из его сочинений. Она настолько важна для понимания позиции и личности Лонгинова, что стоит ее процитировать хотя бы в отрывках. «Мы принялись за перо, — пишет Лонгинов, — чтобы сказать несколько слов о статьях, где известного рода направление договорилось до своей, так сказать, „сущи“ по важному литературному вопросу. Все находится в связи в мире умственном; суждения литературные в том объеме и смысле, как они заявляются теперь, безошибочно указывают на то, каковы у высказывающего их человека тенденции нравственные, общественные и политические. Если вы негодуете на кого-либо за первые, то едва ли придется вам иначе отнестись и к последним <...>»

Слава Пушкина есть одно из драгоценнейших достояний России. Она растет по мере того, как время удаляет от нас его эпоху, и это понятно: чтобы оценить гармонию и величие колоссального монумента, должно стоять от него в некотором отдалении, позволяющем обнять его общность и мешающем развлекаться некоторыми несущественными и случайными, но вредящими наслаждению подробностями, заметными лишь вблизи. Что скажет Россия, если ей начнут доказывать, что Пушкин был какой-то шалопай, не имевший в голове ни одной мысли, не питавший в душе ни одного высокого чувства, фразер, враль, писавший пустые стишонки, вредные для

здорового развития человека, и что его надо забыть и презреть, как это уже и сделано (по мнению автора) с Державиным, Карамзиным, Жуковским и пр.?

Пренебрежение к Пушкину уже высказывалось в тех сферах журналистики, которые посвящены в высшие степени „ордена нигилистов“, или же приносят жертвы на алтарь вице-мундирной и сермяжной гуманности. <...> Пушкин не может быть эксплуатирован в пользу модного вранья и дрызг заднего двора литературы, которому было удалось на краткое время прослыть перед несколькими простяками за ее фасад. Он на столько велик, что не может служить орудием к достижению мелких, презрительных целей. В его творениях живо веет бессмертный и могучий дух их создавший. <...>

Однако пренебрежение к Пушкину высказывалось до сих пор лишь вскользь, намеками и т. п. Оно не выразилось еще вполне, не доходило до размеров особой диссертации, исполненной насмешек, брани и клевет, словом, оно не „договорилось“, пока не являлись статьи *Русского слова*. В них с ожесточением и злобой говорят о Пушкине именно те хулы, которые вкратце изложены выше. Последний из писак не подвергался такому глумлению, какому предан тут один из величайших поэтов современной Европы; ни одна из глупейших книжонок, порождаемых бездарностью, не заслуживала таких отзывов, какие расточает автор в двух огромных статьях произведениям Пушкина, особенно „Онегину“, который чуть ли не более всего ненавистен ему, как кажется потому, что Онегин имел собственную деревню и средства пить не сивуху, а клико. Появление подобного рода статей немыслимо ни в какой стране Европы, даже в самых пасквильных журналах. Одной русской или лучше называющей себя

русскою литературой суждено было дойти до Геркулесовых столбов журнального безумия и найти их в издании, претендующем на звание „серьезного” и „передового”»²⁹.

Эта статья явилась последним печатным выступлением Лонгинова против «ордена нигилистов». После выстрела Каракозова (1866), когда была образована комиссия Муравьева-Вешателя, закрыты «Современник» и «Русское слово», а Некрасов так оскоромился со своей одой усмирителю, — порядочному человеку оставалось только замолчать.

«У НЕГО СЛАВНАЯ РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Так записывает в своем дневнике Г. Н. Геннади после знакомства с М. Н. Лонгиновым³⁰. Действительно, Михаил Николаевич, в отличие от большинства библиофилов его круга (Соболевского, Полторацкого, того же Геннади), собирал только книги на русском языке: библиотека была его рабочим инструментом. Все или большинство публикаций, которыми отмечен творческий путь Лонгинова, были сделаны им на основе изучения книг либо своей коллекции, либо собраний друзей (в особенности Полторацкого, охотно делившегося своими сокровищами с библиофилами младшего поколения). Благородная традиция взаимовыручки, дарения книг, информации о редкостях и литературоведческих сведениях была широко распространена среди книжников середины прошлого века. Лонгинов не представлял исключения.

Можно без преувеличения сказать, что никогда в России, ни до, ни после этого не выступало на книговедческой арене такое крупное со-

дружество первоклассных работников. Русское библиофильство середины прошлого века выдвинуло тип библиофила-исследователя, который является чисто русским феноменом. Библиофильство было колыбелью истории литературы как науки. Этому способствовали и объективные причины: в России история литературы была до того времени неразрывно связана с критикой, а последняя — с публицистикой. Собственно исторических солидных трудов, равных хотя бы изданным на немецком языке, у нас не было.

Понятие «библиофил» в середине прошлого века было гораздо более емким, чем теперь. Библиофилы не только собирали, но и изучали книги, извлекали из них сведения историко-литературного и историко-культурного характера, в которых так нуждалась наука, и публиковали их. Они и были первыми адептами историко-фактической школы, переросшей затем в академическое литературоведение. Этот феномен фактически еще совсем не изучен, и этому мешали (и продолжают мешать) варварские марксистские представления, будто бы уже преодоленные, но на самом деле лишь на уровне популярных статей.

Наука наша пока еще не дала объективной картины развития историко-литературных штудий и не определила роль того явления, которое получило название «библиографизма» (библиографами называли себя и библиофилы). Между тем авторитет русских библиофилов середины прошлого века был таков, что именно к ним как к признанным знатокам и хранителям культуры обращались деятели Вольной русской печати.

«Если наши библиофилы, — писал Н. П. Огарев в предисловии

²⁹ Совр. летопись. 1865. № 32. С. 11.

³⁰ Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826—1880). М., 1981. С. 21.

к сборнику „Русская потаенная литература”, — помогут нам когда-нибудь напечатать, за наше столетие, сборник записок и писем наших известных и неизвестных деятелей, живых и мертвых, эти пропадающие отрывки из жизни многих людей, которым ничто человеческое не было чуждо, ярко восстановили бы историю нашего развития». Принося читателям извинение за неполноту некоторых публикуемых текстов, Огарев замечает, что это обстоятельство «заставляет нас просить наших почтенных библиофилов присылать нам поправки и пополнять пропуски»³¹. Какая громадная разница между этим уважительным тоном и тем гаерством, которым отличались отзывы о библиофилах и библиографах Добролюбова, Писарева, Антоновича и им подобных. Советские ученые, занимавшиеся разоблачением «реакционной библиографии» середины прошлого века и представителя оной Лонгинова, стремились изобразить последнего только собирателем мелочей, не имеющих принципиального значения. Для подтверждения этого все они оперируют одной и той же цитатой. Вот она: «Библиограф неисцелим, — пишет Лонгинов. — Он нашел пустую книжонку, но она чрезвычайно редка — и он счастлив, и опять начинает искать другую, неизвестную, быть может еще пустейшую». Откуда это? А из «Современника» 1856 г., вот откуда. Потому она и попала на глаза советским специалистам по шестидесятым годам. Между тем совершенно ясно, что этот иронический пассаж содержит и оценку найденной редкости («пустейшая»), и ее место в истории литературы (т. е. попросту: Лонгинов радуется как коллекционер, а оценивает находку как историк литературы). Вот как полу-

чается согласно постулатам марксистской науки: в стране начался общественный подъем, все бросились решать важные социальные вопросы, а этот формалист-объективист не нашел ничего лучшего, как радоваться находке ничтожной книжонки. Ведь он сам (сам!) признается, что библиограф неисцелим, — чего ж еще? Правда, П. Н. Берков в «Русских книголюбях» называет это признание «шутливо-серьезным», но это почему-то не мешает ему (и другим) делать из него более чем серьезные выводы... Бедная наука.

Легенда о том, что люди, подобные Лонгинову (а это была большая группа гуманитариев), были собирателями мелочей, ценимых только как редкость, не имеет под собой никаких оснований. Если еще подобные мнения можно объяснить, когда они исходят от Антоновича или Никитенко, людей ограниченных (каждый по-своему), принадлежавших к кругам, весьма далеким от ученых нарождавшейся тогда историко-фактической школы, то уж советским исследователям это непростительно. Поэтому так радуется уважительный тон, которым проникнуто описание библиотеки Лонгинова в книге покойного директора библиотеки Пушкинского дома А. Н. Степанова³², который едва ли не первый с нею ознакомился. Каждому, кто только прикоснется к ней, станет ясно, что это выдающееся книжное собрание, составленное с большим вкусом и умением.

Попытаюсь, вслед за А. Н. Степановым, рассказать об этой библиотеке, хотя, конечно, никакой рассказ не может дать о ней представления; ее надо видеть. Начну с главного сокровища. Лонгинову принадлежал рукописный список «Путешествия из Петербурга

³¹ Огарев Н. П. Избр. произвед.: В 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 451.

³² Степанов А. Н. У книг своя судьба. Л., 1974. С. 61—76.

в Москву» А. Н. Радищева, тот самый, на основании которого наш современник Георгий Шторм написал увлекательное, хоть и не вполне доказательное сочинение «Потаенный Радищев». Этот список получил в науке название «Лонгиновского». Библиофил приобрел его при распродаже библиотеки золотопромышленника П. В. Голубцова через букиниста М. М. Зайцевского, который был его неутомимым помощником. Лонгинов с молодых лет очень интересовался Радищевым, писал о нем (об этом еще будет рассказано), так что нахождение этой рукописи в его собрании вполне органично. В библиотеке имеется множество книг с автографами: Державина, Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Чаадаева, Гнедича, Пушкина, Рыльева... В 1859 г., когда библиотека была еще в стадии формирования и далеко не достигла полноты, профессор российской словесности, небезызвестный С. П. Шевырев в своих лекциях, сообщая студентам о главнейших пособиях для изучения русской литературы, указал и на библиотеку М. Н. Лонгинова (из чего, кроме всего прочего, следует, что к ней можно было получить доступ, — иначе для чего же было и рассказывать?). Для Москвы, не имевшей до середины 60-х годов публичной библиотеки, собрание Лонгинова (так же, как библиотека Полторацкого) выполняло функции научной библиотеки, открытой для любого исследователя. «Для изучения истории русской словесности нового периода, начиная от Кантемира и Ломоносова, это едва ли не первое пособие, потому что библиотека задумана и собрана с этой целью... — пишет Шевырев <...>. — Она имеет характер чисто литературный и собрана по плану, заранее обдуманному. С 1851 года

М. Н. Лонгинов начал собирать ее в Петербурге и собрал разве одну четверть или треть настоящего собрания; сюда вошли и книги, наследованные владельцем от его родителей; все остальное собрано в Москве, начиная с 1854 года»³³.

В библиотеке с исчерпывающей полнотой представлены собрания сочинений русских писателей, не исключая второстепенных, издания отдельных произведений, альманахи, сборники и периодические издания XVIII и начала XIX в. (включая и редко находимые). Как и Ефремов, Лонгинов составлял конволюты, в особенности из театральных пьес, но не только из них. Богатое собрание масонских сочинений было им активно использовано в работах о Новикове. Лонгинов старался приобретать прижизненные издания русских писателей, что ему в большей мере удалось. Весьма богат выбор историко-литературных сочинений (как правило, в конволютах).

«Из книг и оттисков, подаренных авторами самому Лонгинову, — пишет А. Н. Степанов, — можно составить небольшую самостоятельную библиотеку изданий с автографами известных поэтов, писателей, ученых 50—70-х годов прошлого века. Среди них встречаются имена Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, В. Ф. Одоевского, А. Ф. Вельтмана, А. Н. Плещеева, М. П. Погодина, П. А. Ефремова, М. И. Семевского, В. И. Межова, Н. В. Гербеля, А. Н. Афанасьева и других»³⁴. Среди этих «других» укажу на А. Д. Галахова, Г. Н. Геннади, Я. Ф. Березина-Ширяева, М. А. Корфа, С. Д. Полторацкого, С. А. Соболевского, В. П. Гаевского, М. Л. Михайлова. Но даже не это поражает в библиоте-

³³ Степанов А. Н. У книг своя судьба. С. 65.

³⁴ Там же. С. 72.

ке Лонгинова. В конце концов, богатые автографами собрания не были в то время такой уж редкостью. Удивительно (и уникально) другое: наличие каталогов, составленных самим владельцем, причем целой системы: это 1) каталог по отделам; 2) азбучная роспись авторов, переводчиков, редакторов и издателей русских и 3) каталог сочинений по алфавиту авторов. Такой стройной системы каталогов не было в то время ни в одной личной библиотеке. Нечего и говорить о том, насколько это повышало научную ценность собрания.

Но и это еще не все. Лонгинов снабжал свои книги богатым справочным аппаратом, вплетаемым в издания, а также многочисленными пополнениями, исправлениями, восстановлением цензурных купюр и т. п. Все эти библиографические материалы, как справедливо замечает А. Н. Степанов, имеют первостепенное значение при изучении отечественной литературы и журналистики. Добавлю еще один любопытный факт, не так давно мною обнаруженный. Оказывается, такой же «обработке» Лонгинов подверг богатейшее собрание своего близкого друга князя А. Б. Лобанова-Ростовского. Многие книги последнего (собрание хранится в библиотеке Эрмитажа) также проложены чистыми листами, на которых изумительным почерком Лонгинова вписаны многочисленные дополнения, именные и иные указатели и т. п. Возможно, что такую услугу Лонгинов оказал не одному Лобанову. Но такие факты вскрываются, как правило, лишь случайно.

Библиотека М. Н. Лонгинова является чуть ли не единственной из собраний его современников, дошед-

шей до нас в относительной полноте. В этом заслуга его дочери — замечательной женщины, княгини Александры Михайловны Козловской, которая спасла ее от гибели и затем, значительно пополнив (и она и ее муж были библиофилами), принесла в дар молодому тогда научному учреждению — Пушкинскому дому.

М. Н. Лонгинов умер в Санкт-Петербурге в 1875 г. Второй его приезд в столицу был вызван назначением его на пост начальника Главного управления по делам печати осенью 1871 г. Он не стал перевозить свою библиотеку, за исключением справочных изданий³⁵. Часть его собрания хранилась в имении, часть в Москве, в помещении Чертковской библиотеки. Она была поручена заботам П. И. Бартенева. «Уведомляю вас, любезный Михаил Николаевич, — пишет Бартенов 6 апреля 1872 г., — что библиотеку вашу придется вывезти из черткова дома: вчера Чертков объявил мне, что его библиотека окончательно поступает в городское ведомство. Если желаете, я могу перевезти ваши книги и шкапчики к себе на квартиру»³⁶. Он просит помочь ему перевезти ящики, стоявшие в подвале (их там было 8 штук), а в мае того же года он пишет: «Ваша библиотека и каталоги все на Бартеновке. Размещены как нельзя лучше»³⁷. Как видно из этих же писем, в декабре 1874 г. Лонгинов в последний раз побывал в Москве. Распорядился ли он как-то судьбою библиотеки — неизвестно. Вскоре после смерти Лонгинова умерла его жена. Библиотека почти полтора десятилетия оставалась, в сущности, бесхозной со всеми вытекающими отсюда последствиями. И когда дочь Лонгинова смогла, наконец,

³⁵ Об этом он рассказал посетившему его в 1873 г. М. Ф. Березину-Ширяеву (Библиограф. 1892. № 2. С. 52).

³⁶ ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов. 23113. Письма П. И. Бартенева. 6 апр. 1872 г. Л. 74.

³⁷ Там же. 29 мая 1872 г. Л. 78.

перевезти ее в свое имение (село Ивановское Клинского уезда Московской губернии), где для этого было выстроено специальное помещение, оказалось, что очень многих книг недостает. В 1890-х гг. стараниями княгини Козловской и ее мужа лакуны были по возможности ликвидированы. Но в абсолютно полном составе библиотеку восстановить все же не удалось. В ней теперь было 6 тыс. книг (сколько их насчитывала в свое время библиотека Лонгинова, трудно выяснить, ибо каталоги отражают состав собрания на 60-е годы).

Перемещение этого собрания из Подмосковья в Петроград — это целая эпопея. В 1916 г., когда после смерти мужа княгиня Козловская решила передать библиотеку отца (вместе с собранными ею самою и мужем книгами) в дар Пушкинскому дому, в Ивановское приехал Б. Л. Модзалевский, который должен был ознакомиться с библиотекой и организовать ее перевоз. Его задача облегчалась тем, что это богатейшее собрание уже получило высокую оценку такого знатока, как П. К. Симони, который в течение десяти лет проводил в Ивановском свои летние вакансии, трудясь над научным описанием библиотеки. Таким образом, Модзалевскому надо было только позаботиться о ее перевозе. Это единственное, о чем просила княгиня. Но он этого не сделал, сославшись на трудности военного времени и пообещав принять драгоценный дар в лучшие времена, когда это не будет сопряжено с большими хлопотами. Но вместо лучших времен наступили во много раз худшие: большевистский беспредел, разруха. Княгиня благополучно пережила страшные годы гражданской войны. Уцелела и библиотека. Правда,

и она, и музей были под угрозой гибели, потому что дом стоял неотопленный, у княгини хватало дров (точнее, мебели) только на «буржуйку», и она, теперь уже одинокая (сын уехал за границу) и больная, продолжала посылать в Пушкинский дом письма с просьбой о перевозе библиотеки. И вот, наконец, в 1920 г. группа молодых сотрудников Пушкинского дома во главе с Евлалией Павловной Казанович («великолепной Eulalie»³⁸, как ее называла М. В. Юдина) взялась за это дело. Ею были приложены гигантские усилия. Ведь в это время такие вещи, как ящики, гвозди, рогожи, веревки, стали почти недоступны. Директор Пушкинского дома академик Н. А. Котляревский взывал ко всевозможным организациям, как-то: Петроградский совнархоз, Главмузей, Петрокоммуна, Металлический отдел Петроградского совнархоза и др. Что до ящиков, то их надо было добывать или сколачивать на месте. И вот к началу 1921 г. библиотека и часть музея (остальное, вероятно, погибло) были перевезены в Петроград. «Я счастлива,— писала княгиня Козловская Б. Л. Модзалевскому,— что моя горемыка, наконец, у тихой верной пристани: но, боже, ценой каких эпических, сказочных, „самозабвительных“ подвигов удивительной Евлалии Павловны и самоотверженных, скажу, действий!»³⁹ Потеряв к тому времени всех своих близких и предчувствуя свой конец (она умерла в июне того же 1921 г.), княгиня передала Пушкинскому дому не только библиотеку и музей, как собиралась ранее, но и личные бумаги семей Лонгиновых и Козловских,— колоссальное богатство, до сих пор лишь в малой степени освоенное нашей наукой.

³⁸ См.: Юдина М. В. Письма к друзьям. 20—60-е гг. // Новый мир. 1993. № 2 (Письмо от окт. 1924 г.).

³⁹ Цит. по: Степанов А. Н. Указ. соч. С. 71. Там же — подробности об этой эпопее.

«БИБЛИОФИЛЬСКИЕ СТАТЕЙКИ»

«... И в годы участия в „Современнике“, — пишет П. Н. Берков, — Лонгинов не отличался отчетливыми прогрессивными взглядами: его библиофильские статейки (он предпочитал называть их „библиографическими“) нужны были редакции журнала для того, чтобы ее прогрессивная общественная позиция была прикрыта безобидными материалами о старых книгах и журналах, не имевшими никакого отношения к политике и современности»⁴⁰. А вот что думали об этих «статьках» редакторы журнала: «Милый, душевно любимый и уважаемый мною Лонгинов, — пишет Некрасов. — <...> Твои библиограф<ические> зап<иски> мы с Тургеневым почитываем с удовольствием. Труды твои по этой части приняли очень цельный характер. Мы спасибо тебе сказали в Париже, между прочим, за то, что ты напечатал „Нас было двое на челне“»⁴¹ (у Некрасова описка: «нас было много...»). Речь идет о публикации пушкинского «Ариона». Нечего и говорить о том, как она важна была для выяснения общественной позиции поэта после Декабря. В числе «статеек» в «Современнике» были опубликованы: некролог Чаадаева (первый в России), воспоминания о Гоголе и Лермонтове, статья «Мартинисты и их противники» (с громадным трудом и со значительными купюрами прорвавшаяся сквозь цензурные рогатки), материалы о Фонвизине, Батюшкове, «Арзамасе» и другие, не говоря уже о многочисленных пушкинских документах и текстах, о которых речь впереди.

Сохранились письма Панаева,

свидетельствующие о том, что редакция журнала активно добивалась сотрудничества Лонгинова, уехавшего уже в Москву: «Будь, пожалуй, прилежным и аккуратным корреспондентом „Современника“» (1855); «Да что ты замолк литературно? Что твои „Записки“...? Тебе грех оставлять старых друзей» (1856); «Стыдно, что ты забыл „Современник“, очень стыдно. Пора бы и для „Современника“ приготовить тебе что-нибудь хорошенькое» (1858). «Люблю тебя всей душой, люблю по-прежнему <...> Если бы ты по старой памяти дал нам какую-нибудь пикантную хоть небольшую вещь, ты бы крайне обязал меня и Некрасова» (1859)⁴². А когда руководители «Современника» узнали, что свою большую работу «Новиков и Шварц» Лонгинов отдал в «Русский вестник», они были очень обижены, и Лонгинову пришлось объяснять, что эта вещь не прошла бы через петербургскую цензуру, особо бдительно следившую за «Современником», и друзья признали, что его «резон достаточен». Вот как обстояло дело с «невинными» статейками. Не знаю, какими глазами надо было прочитать эти работы (если они в действительности были прочитаны), чтобы не увидеть их научной ценности, да и общественного звучания тоже. И это при том, что «Библиографические записки» были для Лонгинова только пробой пера. Работы последующих лет были еще более основательными, потребовавшими громадных знаний, литературного таланта и умения даже сухому библиографическому материалу придать увлекательную форму.

Совсем иначе оценивали труды Лонгинова исследователи 20-х годов. Публикаторы его переписки:

⁴⁰ Берков П. Н. Русские книголюбцы: Очерки. М., 1967. С. 179.

⁴¹ Некрасов Н. А. Указ. соч. С. 346.

⁴² Сборник Пушкинского дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 214, 220—229.

С. А. Шахматова (с Тургеневым) и Н. В. Яковлев (с Панаевым) дают им заслуженно высокую оценку⁴³. Так было до самого «года великого перелома», когда велено было изничтожать «либералов» (само это слово стало бранным).

Тематика работ Лонгинова весьма разнообразна. Но среди их громадного количества выделяются три темы, три имени: Чаадаев, Пушкин, Новиков. Каждому из них посвящен целый ряд трудов самого различного характера: публикации текстов, биографические материалы, библиография и, наконец, самостоятельные исследования.

С Петром Яковлевичем Чаадаевым Лонгинов познакомился в 1854 г., сразу по приезде в Москву. По всей вероятности, в дом философа его ввел С. Д. Полторацкий, один из самых близких к Чаадаеву людей в последнее десятилетие его жизни. Атмосфера чаадаевского дома, где, как писал Лонгинов впоследствии, «все веяло умственной жизнью», являла собою такой контраст со сборищами «чернокнижников», что пылкий Лонгинов был потрясен и очарован. Он был постоянным посетителем чаадаевских понедельников, а после смерти философа стал его первым биографом. Сильное впечатление производят письма Лонгинова с описанием смерти и похорон Чаадаева, адресованные Полторацкому, находившемуся в это время в Петербурге. К сожалению, ввиду их большого объема, нет возможности процитировать их, и я отсылаю читателей к первоисточнику⁴⁴.

Не успела земля принять прах Чаадаева, как началась в буквальном смысле слова война библиофилов-библиографов за сохранение от

забвения его сочинений и самого его имени: ведь в России подросло поколение, не имевшее ясного представления о месте философа в общественной жизни России: имя его было под запретом двадцать лет.

Чаадаев пережил Николая I всего на один год. За это время не было выяснено, можно ли уже о нем писать. Цензурные инстанции не имели на этот счет четких указаний. И тут за дело взялся неутомимый Лонгинов. «Покойник очень хотел, — писал он Полторацкому, — чтобы Дон Педро Прокодуранте был помещен в моих библиографических записках. Желание его исполню в июньской книжке „Современника“ и при этом помешу мои биографические и библиографические заметки о самом Чаадаеве»⁴⁵.

«Дон Педро Прокодуранте» — комедия, написанная отцом Чаадаева. Блестящий гвардейский офицер, он баловался сочинительством, и в этой комедии вывел крупного губернского туза, известного своими бесчестными поступками. Этот человек, некто Прокудин, узнал себя и постарался скупить все экземпляры комедии, сделав ее тем самым библиографической редкостью. Даже Петр Яковлевич ее никогда не видел и знал о ней только из семейных преданий. Но Лонгинов ее отыскал и обещал Чаадаеву рассказать о ней в своих «Библиографических записках». Очаровательная, вполне невинная история о старинной книге должна была предшествовать некрологу Чаадаева, в известной мере маскируя его. Вот тут действительно понадобилось тактическое умение, ибо было совершенно неизвестно, как отнесется к этому цензура. Лонгинов, опасаясь ее вмешательства,

⁴³ Там же. Предисловия к публикациям.

⁴⁴ Письма Лонгинова в ОР РНБ. (Ф. Полторацкого); Письма Полторацкого в ИРЛИ. (Ф. Лонгинова). Фрагменты опубликованы в моей статье «Венок Чаадаеву» (Библиография. № 3).

⁴⁵ РГБ. Ф. Полторацкого (184). Письма М. Н. Лонгинова. 18 апреля 1856 г. Л. 2—3.

писал Полторацкому, что постарался сделать так, чтобы тут «нельзя было подточить иголки». Он просил друга, находившегося в Петербурге, поторопить ленивого Панаева (Некрасов был за границей), чтобы не слишком запоздать с сообщением о кончине философа. Но только в июльской книжке журнала (Чаадаев скончался в апреле, на Пасху) появилась эта подборка. Это — первые в России за 20 лет печатные сведения о Чаадаеве, если не считать помещенного в «Московских ведомостях» сообщения о дне его похорон.

В апреле 1860 г., в 4-ю годовщину смерти П. Я. Чаадаева, Лонгинов выступил в Обществе любителей российской словесности с докладом о нем, на основе которого был написан большой биографический очерк. Затем в том же году в «Русском вестнике» появилась яркая, темпераментная заметка с защитой имени Чаадаева от злословия. Поводом для нее послужил выход в свет сборника сочинений Дениса Давыдова, в котором было помещено письмо бравого гусара к Пушкину. Д. Давыдов называет философа шарлатаном и честолюбцем, вроде «белокурой кокетки» и вымеивает его огорчения по поводу того, что скажут об объявлении его сумасшедшим европейские философы — «шустеры-метафизики». Этого Лонгинов снести молча не мог. «Злоба и невежество напрасно шипели около этого человека, занесенного как бы из другой сферы во время тупого и апатического коснения общественной мысли, — пишет он. — (...) И этот человек, невольно влиявший превосходством своего ума на общество — шарлатан! И он, ничего ни в ком не искавший, — честолюбец и кокетка! Поздравляем с открытием! (...) Вы, которые не знали Чаадаева, не верьте подобным известиям»⁴⁶. Эта заметка была

тотчас же перепечатана в «Библиографических записках», выходявших тогда под редакцией В. И. Касаткина.

В 1862 г. в 4-м номере «Русского вестника» появилась статья Лонгинова «Воспоминания о П. Я. Чаадаеве», которая легла в основу всех дальнейших работ о философе и до сих пор не утратила своего значения. Очень важным было то, что Лонгинов сумел, в обход цензуры (помощь Каткова в таких случаях была просто неоценимой), процитировать 1-е философическое письмо, а в приложении к статье — письмо к Чаадаеву известного философа Ф. Шеллинга, высоко ценившего русского мыслителя. В этом же году Лонгинов еще раз перехитрил цензуру. В Париже вышли избранные сочинения Чаадаева, изданные князем И. С. Гагариным, ставшим членом ордена иезуитов, но не забывшим выдающегося земляка. Это, собственно, было единственное за весь XIX в. издание сочинений Петра Яковлевича. Оно тут же было запрещено к обращению в России. Идиотский запрет на издание чаадаевских философских текстов существовал до революции 1905 г.! И что же сделал Лонгинов? На страницах «Русского архива» (№ 1) он поместил хвалебную рецензию на это издание. Еще дважды — в 1865 и 1868 гг. Лонгинов выступал со статьями о философе. Первый раз — в «Русском вестнике» с отповедью клеветнику Вигелю и во второй — в «Русском архиве» с заметкой «Эпизод из жизни Чаадаева 20-х годов», в которой излагались причины, побудившие Чаадаева выйти в отставку в самом начале блестящей карьеры (вокруг этого события в свое время сложились всевозможные легенды и сплетни, порочившие философа). В Рукописном отделе ИРЛИ хранится начало еще одной статьи Лонгинова, в которой он пишет, что

⁴⁶ Рус. вестник. 1860. № 5.

уже более десяти лет «беседует с публикой о покойном Чаадаеве»⁴⁷.

Таким образом, перу Лонгинова принадлежат шесть статей, доклад на заседании Общества любителей российской словесности и неоконченная работа. Можно без преувеличения сказать, что Лонгинов сделал для увековечения памяти мыслителя больше, чем кто бы то ни было в России.

Очень характерный случай рассказал П. И. Бартенев, посетивший чере два года после смерти Чаадаева его кузину княжну Е. Д. Щербатову, в свое время постоянно выручавшую Петра Яковлевича, когда он оказывался в стесненных обстоятельствах. У нее он увидел прекрасный, писанный маслом портрет философа. «Уходя, остановился я перед этим портретом,—записывает он.—„Это вы с Лонгиновым произвели его в герою, а был он вовсе не умный человек”,—заметила мне княжна. Я не повинен в этом производстве, потому что никогда Чаадаевым не пленялся, чего, конечно, не сказал княжне»⁴⁸. Понятно, что мнение этой дамы ровно ничего не стоит, но оно дает представление о том, как расценивали лонгиновские статьи о Чаадаеве в «свете». Чаадаевым живо интересовались многие библиофилы того времени: Е. И. Якушкин, В. И. Касаткин, С. Д. Полторацкий и др.⁴⁹ Но Лонгинов один сделал больше, чем все они вместе. Его роль в сохранении и спасении от забвения трудов и личности выдающегося нашего мыслителя поистине уникальна. Одно это могло бы ему обеспечить почетное место среди отечественных гуманитариев. Но и сам Чаадаев до последних лет у нас был

в полуопале, а нынешние исследователи жизни и философских концепций «басманного отшельника» не вспоминают о трудах Лонгинова.

* * *

После падения николаевского режима в русском обществе возродился острый интерес к жизни и личности Пушкина. В середине XIX в. было сделано много как в плане постановки важнейших проблем пушкиноведения, так и в области новых текстологических находок и открытий. Современные исследователи единодушны в том, что для пушкиноведения 50—70-е годы XIX в. явились первым этапом серьезного научного изучения творческого наследия великого поэта. Выдающееся место в этом процессе принадлежит библиофилам-библиографам.

«Целый период изучения Пушкина, обнимающий 50—70-е годы,—пишет известный пушкинист Я. Л. Левкович,—может быть назван библиографическим»⁵⁰. Это вполне справедливо. Но как только заходит речь об этих самых библиографах, оказывается, что их заслуги были какими-то сомнительными. «Деятельность пушкинистов-библиографов,—пишет она же,—преимущественно публикаторская и направленная на собирание фактического, документального материала, была полезной для дальнейшей разработки пушкинской биографии, но вместе с тем ее нельзя рассматривать как явление, безусловно положительное. Увлекаясь публикаторской деятельностью, процессом накопления материала, они не стремились к его обобщению; поиски документального материала велись таким образом, что большая часть его

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов. 23069. Статья о Чаадаеве. Л. 1.

⁴⁸ Звенья. М., 1934. Т. 3—4. С. 390.

⁴⁹ См.: Равич Л. М. Венки Чаадаеву//Библиография. 1994. № 3.

⁵⁰ Пушкин: Итоги и проблемы изучения/Под ред. Б. М. Городецкого, В. Н. Измайлова, Б. С. Мейлаха. М.; Л., 1966. С. 633.

касались биографических фактов и значительно меньшая творчества»⁵¹. Это — поистине удивительное заявление. В чем же обвиняет она библиографов? Они собирали фактический, документальный материал? Так это же прекрасно! На этой базе и было построено дальнейшее пушкиноведение. Они касались больше биографии, чем творчества? Так это же и было «сверхзадачей», ибо биография поэта изобиловала белыми пятнами, а творчество, как тогда казалось, было достаточно полно разъяснено Белинским. Они остерегались делать скороспелые обобщения? Это тоже надо только приветствовать. Можно подумать, что армия современных пушкинистов только и занята, что «обобщениями». Они бывают без памяти рады, если удастся добыть хоть строчку, написанную рукою гения. И это понятно. Обобщения — удел выдающихся работников, которых во все времена можно пересчитать по пальцам. Думается, что подобные обвинения — дань дурной традиции, восходящей к Добролюбову с компанией, у которых само слово «библиограф» вызывало сатанинский хохот.

Вкладом пушкинистов-библиографов середины прошлого века в изучение жизни и творчества поэта явился ряд работ самого различного плана: публикация текстов, которым предшествовало, как правило, создание рукописных сборников, редактирование сочинений поэта; составление библиографических указателей его произведений и литературы о нем. Известны три крупных сборника, дополнивших анненковское издание: две тетради Е. И. Якушкина и тетрадь Лонгинова, использованные при подготовке академического издания сочинений поэта. Тетрадь Лонгинова дошла до

нас в копии, снятой Полторацким, и с его дополнениями. Это — 530 страниц убористого текста, содержащих 126 стихотворений и 12 прозаических отрывков, с пространным комментарием. Ей предпослано предисловие составителя. Лонгинов пишет: «Наконец, исполняя давнишнее свое желание, приступаю к собранию сочинений Пушкина, не вошедших в издания его сочинений. Скопивши большое число материалов, я надеюсь скоро дойти до того, что, имея издание Анненкова и присоединив к нему мое собрание, можно будет сказать, что тут весь Пушкин, в пределах человеческой возможности. 24 декабря 1855 г., Москва»⁵².

Предполагая, что некоторые из этих текстов только приписываются Пушкину, Лонгинов тем не менее помещает их в свой список, ибо считает, что «лучше поместить лишнее, чем что-нибудь упустить». Кстати, такой же тактики придерживался и Е. И. Якушкин. П. К. Симони сообщал, что этот список был в свое время подготовлен к печати М. А. Цявловским, но опубликованию его помешала первая мировая война.

Пушкин сопровождал Лонгинова всю жизнь, с малых лет. Здесь уже упоминалось, что ему давали уроки Жуковский и Гоголь. В 1833 г. мальчик поступил в Царскосельский лицей, где тогда уже складывался культ Пушкина. Далее судьба Лонгинова сложилась так, что он стал близок с друзьями поэта: Чаадаевым, Вяземским, Полторацким, Соболевским. Последний сердечно к нему относился, считая его надеждой русской библиографии, был он близок и с его семьей, дружески относился к его жене и детям (с младшей дочерью Еленой он даже затеял игру, в которой изображал ворчливого мужа). Естественно, он делился

⁵¹ Там же. С. 270.

⁵² Опубликовано П. К. Симони//Лонгинов М. Н. Соч. М., 1915. Т. 1. С. 575 (Комментарии).

с Лонгиновым своими пушкинскими материалами, читал ему письма поэта (сопровождаящее одно из таких посланий известное стихотворение «У Гальяни...» было с разрешения Соболевского опубликовано Лонгиновым в «Библиографических записках» «Современника»).

Понемногу, по мере возможностей (цензурных) Лонгинов начал публикацию своих сокровищ. В «Современнике» в 1856—1857 гг. был напечатан ряд неизвестных тогда текстов. Это, прежде всего, уже упоминавшийся «Арион», появление которого в печати произвело большое впечатление на читающую публику (напомню, что стихотворение было впервые напечатано в 1830 г. в «Литературной газете» Дельвига без подписи. Лонгинову принадлежит заслуга его атрибуции). Но такие эпохальные находки, конечно, большая редкость. Другие публикации Лонгинова скромнее, но в сумме они представляли интерес как материал для создания полного корпуса пушкинских текстов. Это — «Послание к Ф. Г.», «Стансы к Якову Николаевичу Толстому», «На лире скромной, благородной», «Как, жив еще Курилка-журналист?», уже упоминавшееся «У Гальяни» и множество отрывков: «И некий дух повеял...», «О двойка! Ни дары свободы...», «Ночь светла, в небесном поле...» и др. Конечно, об опубликовании потаенного Пушкина, собранного в заветной тетради, не могло быть и речи. В «Библиографических записках» А. Н. Афанасьева (любопытно, что этот журнал, в котором собрались русские герценовцы, был назван так же, как лонгиновский раздел «Современника») он поместил заметки: «Последние дни Пушкина (По рассказу очевидца И. Т. Спасского)» (1859, № 18), «Пушкин в Одессе» (там же), «Анекдот о Пушкине» (О создании куплетов «ТЕ-ТЕ-ТЕ») (1858, № 16). В «Современной летописи» в 1863 г.

(№ 18) была опубликована его статья «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Обстоятельную рецензию на седьмой, дополнительный том анненковского издания, вышедший в 1855 г., Лонгинов напечатал на страницах широко распространенной в России газеты «Московские ведомости» (1857, № 47). Отклики на исаковское издание под редакцией Г. Н. Геннади Лонгинов опубликовал также в этой газете (1859, № 70 и 1860, № 42). В отличие от других современников, сопровождавших это издание только свистом и эпиграммами, Лонгинов отзывается о нем в целом положительно, отмечая, правда, и промахи неопытного редактора. Несколько пушкинских вещей было им опубликовано на страницах «Русского архива», постоянным автором которого он был до самой смерти. Среди них надо отметить интересное сообщение «Об отношениях А. С. Пушкина к дяде его Василию Львовичу Пушкину» (1865, № 11—12). Там же была напечатана большая статья об А. П. Ганнибале (1864, № 2). К пушкинским материалам можно отнести статьи Лонгинова об «Арзамасе» и публикацию шуточной поэмы И. И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон» — дружеский шарж на В. Л. Пушкина (большая библиографическая редкость) — обе на страницах «Современника» 1856—1857 гг. К Лонгинову как к признанному знатоку Пушкина обращались за советом В. П. Гаевский, П. И. Бартенев, Я. К. Грот, а также другие собиратели и исследователи жизни и творчества поэта.

* * *

Несколько необычно сложилась судьба лонгиновских работ о Лермонтове: они удостоились перепечатки уже в советское время. Лонгинов, который находился в родственных отношениях с Лермонтовым (че-

рез Арсеньевых) и знал его с детских лет, писал о нем преимущественно в биографическом плане. Ценность его воспоминаний о поэте еще и в том, что они были одними из самых ранних в мемуарной литературе о Лермонтове. Публикуя эти работы в сборнике «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников» (два издания — 1964—1970) составители — М. И. Гиллельсон и В. А. Мануйлов — дали, как и следовало ожидать, весьма нелестную характеристику их автору: «В „Заметках о Лермонтове“, написанных М. Н. Лонгиновым, литератором консервативного лагеря, отбор фактов произведен явно тенденциозно: сообщив о посещениях А. Х. Бенкендорфом дома Е. А. Арсеньевой в 1837 году и об объявлении „высочайшего прощения“ поэта, М. Н. Лонгинов не счел нужным отметить ту неблагоприятную роль, которую играл шеф жандармов в других случаях жизни Лермонтова. Трудно поверить, что М. Н. Лонгинов не знал об истинной роли Николая I и Бенкендорфа в жизни и гибели Лермонтова. Знал, отлично знал, но предпочел умолчать! Политические симпатии мемуариста наложили верноподданнический отпечаток на его воспоминания: М. Н. Лонгинов был достаточно честен, чтобы не измышлять, но не столь честен, чтобы писать всю правду»⁵³. Это поразительное сообщение исходит от авторов, которые (как, например, Гиллельсон) занимались цензурой («умственными плотинами»). Так неужели они не знали, что в России и тогда и много позже существовал абсолютно ненарушимый запрет на подобные сообщения? Что мог сказать Лонгинов о «роли Николая I в гибели поэта» в подцензурном «Современнике»? Это же нонсенс. Кстати, когда Лонгинов пи-

сал эти воспоминания, он отнюдь еще не был «литератором консервативного лагеря», а, напротив, пламенным либералом. Поражает и уверенность составителей сборника в том, что в 50-е годы прошлого века Лонгинов «отлично знал» все перипетии взаимоотношений поэта с верховной властью. Хорошо еще, что наши ученые мужи признают, что Лонгинов был честен. Но им хотелось бы узнать от него что-нибудь сенсационное, например, что в Лермонтова стрелял агент царского самодержавия, направляемый рукою Бенкендорфа. Заметки Лонгинова не претендуют ни на какие «обобщения». Они очень искренни, просты и достоверны. «Я узнал Лермонтова в 1830 или 1831 году, когда он был еще отроком, а я ребенком,— пишет он.—〈...〉 Мы находились в дальнем свойстве по Арсеньевым, к роду которых принадлежала мать Лермонтова и моя прабабушка. 〈...〉 У Никиты Васильевича (Арсеньева.—*Л. Р.*), большого хлебосола и весельчака... собирались еженедельно по воскресеньям на обед и на вечер многочисленные родственники, и там часто видал я Лермонтова, сперва в полуфраке, а потом юнкером. В 1836 году на Святой неделе я был отпущен в Петербург из Царскосельского лицея, и, разумеется, на второй или третий день праздника я обедал у дедушки Никиты Васильевича (так его все родные называли). Тут обедал и Лермонтов, уже гусарский офицер, с которым я часто видался в Царском селе, где стоял его полк 〈...〉 После обеда Лермонтов позвал меня к себе, вниз, угостил запрещенным тогда плодом — трубкой, сел за фортепьяно и пел презабавные русские и французские куплеты (он был живописец и немного музыкант)»⁵⁴. Вот тут Мишель

⁵³ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 7.

⁵⁴ Там же. С. 151.

младший увидел рукопись «Маскарада» и узнал, что его старший родственник — «сочинитель». Эти простодушные живые картины дают множество дополнительных (и порою неожиданных) штрихов к характеристике Лермонтова — человека сложного, трудного, загадочного... Лонгинов рассказывает, что он подсказал издателю Глазунову местонахождение похожего портрета поэта (в имении А. А. Столыпина), и тот воспроизвел его в отдельном издании «Песни про купца Калашникова». Лонгинову принадлежит еще целая серия заметок о Лермонтове: это — «Письмо к редактору по поводу статьи С. Д. Шестакова „Юношеские произведения Лермонтова“» («Русский вестник», 1857, № 1), три содержательные рецензии на издания сочинений поэта под редакцией С. С. Дудышкина («Русский вестник», 1860, № 8; там же, 1861, № 3; «Современная летопись», 1861, № 3); «Библиография сочинений Лермонтова» («Русский архив», 1863, № 7) и написанные уже незадолго до смерти «Заметки о М. Ю. Лермонтове и некоторых его современниках» («Русская старина», 1873, т. 7). В этих заметках он мог сказать гораздо больше, чем в ранних работах: николаевские времена уже отошли в историю, а «Русская старина» вообще не подвергалась цензурным преследованиям.

* * *

Прелесть достоверности имеют и статьи Лонгинова о Гоголе («Современник», 1854, № 3), высоко оцененные П. В. Анненковым, близко знавшим Гоголя. Он назвал их «превосходными», «передающими нам физиономию Гоголя»⁵⁵. Такими же

чертами обладают и многочисленные заметки, посвященные Н. М. Карамзину, с которым был дружен и состоял в переписке отец Лонгинова. «Крупный знаток» русской словесности М. А. Антонович возмущался тем, что Лонгинов «накажет вас таких подробностей о жизни Карамзина, что вы невольно подивитесь их мелочности»⁵⁶. Нет, не подивимся, а будем благодарны неутомимому собирателю и публикатору, давшему возможность воссоздать во всех подробностях жизнь человека, который может служить примером любому писателю и историку. Возрождение интереса к «последнему летописцу» (Н. Я. Эйдельман) — свидетельство того, что прав был Лонгинов, а не «революционный демократ», признававший только «злобу дня», ибо злоба проходит, а величие остается.

Назову тех писателей XIX в., которым были посвящены работы Лонгинова (публикации, биографические заметки, библиография). Это: Е. А. Баратынский, К. Н. Батюшков, Д. В. Веневитинов, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, Н. И. Гнедич, А. С. Грибоедов, Д. В. Давыдов, А. А. Дельвиг, В. А. Жуковский, И. И. Дмитриев, И. А. Крылов, И. И. Лажечников, А. И. Полежаев, Н. М. Языков. Кроме того, Лонгинов откликнулся на значительные литературные явления своего времени. Таковы рецензии на издания стихотворений Майкова, Некрасова и Фета, на повести и романы Тургенева, воспоминания об Э. И. Губере, А. С. Хомякове, А. В. Дружинине и др.

* * *

Восемнадцатый век, «столетье безумно и мудро», как назвал его

⁵⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 65. (Сер. лит. мемуаров).

⁵⁶ Современник. 1863. № 3. С. 78. Комизм ситуации заключается и в том, что эта зубодробительная статья, в которой достается С. М. Соловьеву, Ф. И. Буслаеву и другим настоящим ученым, называется «Неуважение к науке»!

А. Н. Радищев, был для поколения Лонгинова полным загадочкой. Библиографы-библиофилы середины прошлого века открывали для себя XVIII в. как неизвестную планету. Дело в том, что это столетие было, как никакое другое в России, богато тайнами, тщательно скрывавшимися властью предрержащими. Царевич Алексей, умерший под пытками, бироновщина, судьба несчастного Иоанна Антоновича, убийство императора Петра III, многочисленные любовники Екатерины II, получившие от нее миллионные состояния и сотни тысяч крепостных душ, осуждение Радищева и Новикова, царствование и смерть Павла Первого — все это не подлежало обсуждению в печати. Особенно волновала исследователей середины прошлого века судьба Новикова и Радищева, людей абсолютно несхожих по взглядам и поступкам, но равно пострадавших от верховной власти. После падения николаевского режима и некоторого ослабления цензурного гнета библиофилы бросились публиковать то, что копилось в их личных архивах. Лонгинов считался даже в этом высокопрофессиональном кругу крупнейшим знатоком восемнадцатого века. И действительно, из трех сотен его работ более половины посвящено людям и событиям этого столетия, в котором его интересовало все: наука и литература, государственные дела и войны, писатели.

Ряд очерков посвящен отдельным книгам и журналам этого времени, как правило, мало или совсем неизвестным, а также типографам, издателям, книготорговцам, — всем, кто содействовал распространению просвещения. Все вместе это составляет солидный массив разнообразных материалов, неодинаковых по значимости, но равно интересных. Многие его работы не перекрыты позднейшими исследованиями, мно-

гие использованы без указания источника, но не переиздавалась ни одна. Между тем это не просто собрание фактических материалов, но и увлекательное чтение. Не было, вероятно, ни одного сколько-нибудь заметного писателя XVIII в., которому Лонгинов не посвятил бы статьи, заметки, библиографического обзора, а то и того и другого вместе. Вот только неполный список: Д. П. Горчаков, С. Г. Домашнев, Екатерина II (критико-библиографический обзор ее драматических сочинений), И. П. Елагин, Ф. И. Дмитриев-Мамонов, С. М. Кузмин, братья Карины, А. А. Нартов, братья Нарышкины, А. В. Олещев, П. С. Потемкин, А. И. Писарев (его сатиры), В. П. Петров, А. Н. Радищев, супруги Ржевские, А. П. Сумароков, Г. Н. Теплов, Ф. В. Туманский, Е. С. Урусова, Д. И. Фонвизин (две работы, одна из них о «Бригадире»), М. М. Херасков, Ф. А. Эмин. Отдельные статьи посвящены соратникам Екатерины II — государственным деятелям, полководцам и пр. В ранних своих работах (в «Современнике») Лонгинов, разрабатывая жанр рассказов о книгах, одним из родоначальников которого он был, уделял внимание и отдельным изданиям. Здесь уже упоминалось о «Доне Педро Прокодуранте» Я. П. Чаадаева. Такого же подробного изложения удостоились и другие редкие или чем-нибудь интересные книги и журналы восемнадцатого столетия: «Заблуждения от любви, или Письма Фанелии к Мильфорту», «Пригожая повариха» М. Д. Чулкова и др. Несколько содержательных работ посвящено журналистике XVIII в., в то время живо интересовавшей молодых исследователей.

Большой заслугой Лонгинова является то, что он первый заговорил на страницах периодики об А. Н. Радищеве. В 1856 г. в составе

его «Библиографических записок» была напечатана статья «Александр Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев», где впервые была сделана попытка раскрытия трагедии этого замечательного человека. Восхищаясь личностью Радищева, Лонгинов, следуя пушкинской традиции, считал, что его идеи заимствованы у западных мыслителей (пушкинские «Мысли на пороге» и статья «Александр Радищев», не пропущенные в свое время цензурой и сильно обезображенные в анненковском издании, были тщательно переписаны в заветной тетради Лонгинова). Затем, как уже здесь упоминалось, он приобрел (и внимательно изучил) рукописный список «Путешествия из Петербурга в Москву» с приложенными к нему поэмами «Вольность» и «Сотворение мира». Этот драгоценный список он послал для ознакомления сыну Радищева Павлу Александровичу в Таганрог (в архиве Лонгинова сохранилось благодарственное письмо последнего)⁵⁷, который выступил в качестве биографа отца. В декабрьской книжке «Русского вестника» за 1866 г. была напечатана его статья с дополнениями и примечаниями Лонгинова. Самое существенное — составленная нашим библиофилом для этой статьи библиография литературы о Радищеве. Еще более подробный список был приложен Лонгиновым к его статье «Радищев и его книга» («Русский архив», 1868), явившейся откликом на спекулятивное издание книго-торговца Шигина, выпустившего «Путешествие» Радищева в исковерканном виде. Эта библиография включает не только статьи, специально посвященные Радищеву, но и те, где он только упоминается (как, например, работа Е. И. Якушкина

«Проза Пушкина»). Здесь же — указания на рукописные списки и на портрет Радищева, помещенный в «Библиографических записках».

Можно без преувеличения назвать Лонгинова первым настоящим библиографом Радищева. В «Библиографических записках» Афанасьева Лонгинов опубликовал интересную статью «О последнем проекте Радищева „Проект гражданского уложения“». Тут уже речь идет о последнем периоде жизни писателя, когда он, прощенный, решил представить проект о строгом контроле за действиями чиновников всех рангов. Лонгинов пишет, что «подобную цель предполагали себе в 1818 году члены „Союза благоденствия“»⁵⁸.

Работы Лонгинова о Радищеве не отличаются глубиной анализа, да он и не ставил перед собою такую цель; его дело было «библиографическое»: напомнить о благородном человеке, чья участь была так трагична, дать полный свод литературы о нем, а для себя — добыть и сберечь рукопись крамольной книги.

Особо следует еще отметить две большие работы о людях XVIII в.: «Княжна Тараканова» («Русский вестник», 1859, № 24) и «Драматические сочинения Екатерины II» («Молва», 1857, № 3—5).

Эти статьи, рисующие отдельные стороны русского общества того времени, служат как бы фоном для основной темы: жизнь и деятельность Н. И. Новикова. Замечательный просветитель был кумиром всей молодежи середины XVIII в., интересовавшейся библиографией; тут Лонгинов был не одинок⁵⁹. Еще Белинский сетовал на то, что ему так мало известно о Новикове. И в самом деле: правда о трагедии человека, зато

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов. 23269. Письмо П. А. Радищева от 12 ноября 1861 г. Л. 1.

⁵⁸ Библиограф. записки. 1859. № 17.

⁵⁹ См.: Равич Л. М. Н. И. Новиков и круг «Библиографических записок» // Библиография. 1993. № 4.

ченного «матушкой» в крепость без всякой видимой вины, вплоть до середины XIX в. оставалась одной из неразгаданных тайн самодержавия. Лонгинов первым начал широко затем развернувшуюся кампанию по «рассекречиванию» Новикова. Он один сделал для этого больше, чем все его современники вместе взятые. Уже в «Библиографических записках» «Современника» он поместил статью «Мартинисты и их противники» (1857, № 4). Эта работа была как бы подступом к новиковской теме: в ней речь шла о старинной книге, напечатанной в Туле и написанной группой местных авторов, противников масонства. Как уже говорилось, судя по письмам И. И. Панаева, эта заметка с большим трудом прошла сквозь цензурные врата, да и то пришлось пожертвовать частью текста. А ведь в ней еще нет упоминания о самом Новикове: речь идет об учении Сен-Мартена и о русском мартинизме. Эта тема была также запретной или полузапретной, а ведь без ее изучения невозможно было разобраться в трагедии Новикова.

Вскоре появилась первая большая работа Лонгинова «Новиков и Шварц» («Русский вестник», 1857, № 19), сразу выдвинувшая его в первый ряд специалистов по XVIII в. и Новикову в частности. За ней следовал целый цикл работ, помещенных также на страницах «Русского вестника». Это: «Новые подробности для биографии Новикова и Шварца» (1858, № 15), «Посещение села Авдотьино-Тихвинского, принадлежавшего Н. И. Новикову» (1858, № 21), «Новые подробности по делу Новикова и прочих мартинистов» (1859, № 15), не считая многочисленных упоминаний о Новикове в работах по XVIII в. Итогом всех этих штудий явилась капитальная монография «Новиков и московские

мартинисты» (1867), удостоенная полной Уваровской премии Академии наук. К этой работе Лонгинов шел двенадцать лет.

Уже в первой большой статье «Новиков и Шварц» он писал: «Пройдет, может быть, еще немало времени, пока обстоятельства и близкое изучение неизданных и малоизвестных документов сделают возможным обнаружение полной и верной характеристики и биографии одного из замечательнейших деятелей на поприще нашего просвещения. До сих пор на одном почти предании основано все, что мы знаем о событиях его жизни, переменах в образе его мыслей, влияниях, которые содействовали его нравственному и умственному развитию, и, наконец, о той доле собственного его влияния на современников, которою он непосредственно был обязан своей благородной, гуманной личности. Но едва ли мы дождемся такого в высшей степени любопытного и важного труда, если мы не будем пока собирать все, хотя бы и самые незначительные материалы, и стараться группировать их с материалами уже опубликованными, но отрывочными и разбросанными, связывая все это нитью рассказа, основанного на верных свидетельствах всякого рода»⁶⁰. Это — кредо библиографической школы, то самое «крохоборчество», которым попрекали библиографов ретивые, скорые на выводы современники, а затем и советские исследователи, придавшие этому характер политических обвинений, о чем у того же Добролюбова не было и речи...

Свою монографию Лонгинов послал старому декабристу, невозвращенцу Н. И. Тургеневу, доживавшему свой век в Париже. Тот был просто поражен и, еще не окончив чтения, писал П. И. Бартеневу: «Книга

⁶⁰ Рус. вестник. 1857. № 19. С. 539.

г. Лонгинова, которую он мне прислал и которую я теперь читаю, есть весьма замечательное явление в нашей словесности. <...> Он представляет нам людей самых честных, добрых, религиозных, которые как-то неожиданно воспрянули посреди общества, погруженного в глубокий мрак в нравственном и особенно в гражданском отношении <...> И посреди этой святой деятельности они вдруг очутились лицом к лицу перед глупыми и злыми невеждами, которые обвиняли их в таких преступлениях, о каких допрашиваемые не помышляли и не могли помышлять! Защита для них была невозможна. Это явствует из всего рассказа автора»⁶¹. Вот, значит, какие мысли наведала книга Лонгинова! Похвала такой крупной личности, как «хромой» Тургенев, была для автора большой радостью. Таково было мнение и других современников.

А вот как прочитал эту книгу известный советский ученый Г. П. Макогоненко: «Одной из первых работ, публиковавшей новый богатый материал и сводившей все ценное из ранее изданного, было исследование реакционера цензора М. Н. Лонгинова». Далее он пересказывает содержание книги и резюмирует: Лонгинов, по его мнению, хотел представить Новикова (перед которым благоговел) ... невеждой, он ставил под сомнение его прогрессивность. Книга Лонгинова — «первая сводная и солидно аргументированная клевета». «Враг революционных демократов Лонгинов, занимаясь историей русской культуры и литературы, тщательно вытравлял из нее все передовое, демократическое, облыжно зачисляя великого русского просветителя в лагерь ох-

ранительной, придворной, „карманной“ ее императорского величества литературы»⁶². Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Скажут: давно это было; метод, плодом которого является это классическое советское сочинение, давно преодолен нашей наукой. В последнем, увы, можно усомниться. Отринув старые домыслы, наша наука во многих случаях не выдвинула свежих концепций, и старые, не опровергнутые, как бы остаются в силе. О мелких подтасовках я уже и не говорю: ни реакционером, ни цензором во время написания своих новиковских работ Лонгинов не был; напротив, они приходится на самый «пик» его либерализма. Выбор темы, уважительное, даже восторженное отношение Лонгинова к Новикову говорят сами за себя.

«ГЕНЕРАЛИССИМУС И ОБЕР-КОНТРОЛЕР»

Кому ж, когда не Вам, и книги в руки,
Генералиссимус и обер-контролер
Всех книг, которые от скуки и для скуки
Мы, пишущий народ, подносим на подбор?⁶³

Так писал Лонгинову П. А. Вяземский 13/25 ноября 1874 г. из Бад-Гомбурга. В архиве первого хранится 26 писем князя за разные годы. Он называет своего корреспондента «всеведом», «магом всеведущим», «Вы, который все знаете» и задает ему всякие вопросы. Такую же высокую оценку дают в своих письмах и другие люди пушкинской эпохи, особенно выделявшие Лонгинова среди других книжников. Соболевский, Полторацкий, Чаадаев, тот же Вяземский — вот впечатляющий список людей старшего поколения, це-

⁶¹ Декабристы/Под ред. Н. П. Чулюкова. М., 1938. С. 341. (Гос. лит. музей; Летописн. кн. 3).

⁶² Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 11, 13.

⁶³ ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов. 23138. Письма П. А. Вяземского. 13/25 ноября. 1874 г. Л. 22.

нивших труды Лонгинова. С. А. Соболевский, не щадивший даже друзей, на которых распространялся его злой и меткий юмор, только для Лонгинова делал исключение. Среди корреспондентов нашего библиофила множество ученых, литераторов, библиографов, собирателей — более ста корреспондентов. Из них назову лишь самых известных, для наглядности сгруппировав их (хотя, конечно, такая классификация весьма условна). Литераторы: И. С. и С. Т. Аксаковы, П. В. Анненков, В. П. Боткин, П. А. Вяземский, А. Д. Галахов, В. П. Гаевский, Н. В. Гербель, В. И. Даль, Г. П. Данилевский, М. А. Дмитриев, А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин, А. М. Жемчужников, М. Л. Михайлов, Н. А. Некрасов, В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Павлов, И. И. Панаев, П. А. Плетнев, А. К. Толстой (22 письма, не вошедших в собрания его сочинений), И. С. Тургенев, А. А. Фет, А. С. Хомяков. Ученые: К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. П. Барсуков, О. М. Бодянский, Я. К. Грот (90 интереснейших писем), Н. В. Калачов, П. П. Пекарский, С. М. Соловьев, И. И. Срезневский, Н. Г. Устрялов, С. П. Шевырев. Деятели книги и редакторы журналов: Я. Ф. Березин-Ширяев, П. И. Бартенев (69 писем, 15 лет переписки), Г. Н. Геннади, М. Н. Катков, М. А. Корф (20 писем, неизвестных биографам Корфа), А. М. Лазаревский, В. И. Межов, С. Д. Полторацкий, Д. В. Поленов, М. И. Семевский, С. А. Соболевский (209 писем и записок), М. Д. Хмыров. Из этого богатства опубликована лишь незначительная часть: письма Некрасова и Тургенева вошли в Полные собрания их сочинений, письма Панаева опубликованы в 1922 г. в сборнике Пушкинского дома, из писем А. К. Толстого и А. А. Фета извлечены лишь стихотворные послания. Фрагменты писем Соболевского и Полторацкого испо-

льзованы в некоторых моих работах и в книге В. В. Кунина «Библиофилы пушкинской поры». Вот и все. Между тем эти письма важны не только для биографии Лонгинова, но и для истории гуманитарных наук его времени в целом.

Письма ученых (а отчасти и книжников) содержат, как правило, просьбы о помощи и консультациях. К нему обращались за советом и поддержкой люди, которые и сами считались крупными знатоками русской литературы и общественной мысли XVIII — первой половины XIX в., и Лонгинов с присущей ему обязательностью подробнейшим образом на все отвечал. Благодарственные письма его корреспондентов занимают немалое место в этом эпистолярном массиве. «Примите мою искреннюю признательность за дорогое сотрудничество „Русскому архиву“», — пишет П. И. Бартенев. А в другом письме он восклицает: «Боже мой, какие у вас обильные запасы!» «Дружеской поддержке Вашей, — заявляет он в письме от 15 сентября 1865 г., — обязан я между прочим, что не кинул этого дела (редактирования «Русского архива». — Л. Р.), что два раза собирался сделать». Неоднократно благодарит он своего корреспондента за ценные книжные дары Чертковской библиотеке. 29 мая 1872 г., узнав о том, что благодаря хлопотам Лонгинова получено разрешение государя на выпуск в свет собрания сочинений Рылеева, подготовленного П. А. Ефремовым, Бартенев пишет: «Пропуск Рылеева, конечно, делает честь современному цензурному ведомству, и у меня будет о том приветственная заметка. Дельные издания свободно проходят, преследуется лишь зловредная шваль». «Напишите два слова и приказывайте, любимый мой отец-командир». «Я вам пришлю пятьдесят писем Пушкина, одного другого лучше. Пожалуйста, прочитай-

те их с вашим чудесным цветным карандашом, не для цензурных сокращений (их не придется делать), а для примечаний и разъяснений. Я выставлю знаки вопросительные»⁶⁴.

Редактор «Русской старины», активным автором которой Лонгинов был с начала возникновения этого издания до самой смерти, пишет ему, что получил «драгоценную коллекцию писем — 98 числом Александра Александровича Бестужева-Марлинского с 1830 по 1837 г.» и просит: «Будьте столь добры, доставьте мне указания на все, что вы вспомните <...> Сообщите мне совет о том, как издать письма Бестужева, т. е. в каком роде и какого рода привести примечания <...> Верьте, что малейшее указание и совет будут приняты с глубокою благодарностью». Это письмо от 4 марта 1860 г., а 6 апреля того же года, получив не только подробные инструкции, но и похвалу такому делу, как издание писем декабриста, он пишет: «Доброе слово услышать всегда приятно, а от человека, пользующегося вполне заслуженною известностью ученого, талантливого, в высшей степени полезного деятеля на поприще отечественной истории и литературы — от такого человека, повторяю, всякое слово вдвойне приятно»⁶⁵. Завязывается многолетняя переписка, из которой, между прочим, видно, что Лонгинов помещал свои статьи в «Русской старине» безвозмездно, что было не столь уж распространенным явлением. Семейский постоянно обращался к нему с просьбами о сотрудничестве.

Письма Я. К. Грота, прославившегося, кроме всего прочего, образцовым изданием сочинений Державина (встреченным в штыки «про-

грессивной» журналистикой «за отрыв от живого мира») и стяжавшего славу первоклассного знатока русской литературы, также полны просьб уточнить то одно, то другое обстоятельство. Лонгинову он препровождает план издания сочинений Державина «с покорнейшей просьбой сообщить ваши мысли по этому предмету: не найдете ли вы нужными каких-нибудь дополнений и изменений в нашем (т. е. его и Академии наук.—Л. Р.) проекте?» (1859). Во втором письме он благодарит за ценные указания и снова задает ряд вопросов. А когда Лонгинов выразил возмущение заушательской рецензией Антоновича на работу Грота, послужившую прототипом всех академических изданий, добродушный ученый написал ему: «Замечания „Современника“, которые вы, вероятно, разумеете, прочел я с любопытством, но, право, без всякого негодования; если хотите, они даже лестны по своему ничтожеству, при явном желании повредить изданию»⁶⁶.

Историк литературы, автор учебников и хрестоматий, по которым училось не одно поколение, А. Д. Галахов, посылая Лонгинову свою книгу, писал: «Я так ценю ваши историко-литературные труды и так часто ими пользовался и пользуюсь, что было бы с моей стороны неблагодарно не предложить для вашей собственной библиотеки экземпляра составленной мною историко-литературной хрестоматии». И в другом письме: «Ваши письма имеют для меня значение самых дорогих материалов и заметок <...> Советами и указаниями вашими воспользуюсь с благодарностью»⁶⁷.

В. П. Гаевский, известный пушкинист, один из строителей пу-

⁶⁴ ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов. 23113. Письма П. И. Бартенева. 5 октября 1872 г. Л. 2.

⁶⁵ Там же. 23274. Письма М. И. Семейского. 4 марта 1860 г. Л. 1—2.

⁶⁶ Там же. 23157. Письма Я. К. Грота. 1 марта 1859. Л. 1; 18 марта 1864 г. Л. 17.

⁶⁷ Там же. 23142. Письма А. Д. Галахова. 25 января 1862 г. Л. 5.

шкинских выставок, просил Лонгинова помочь указаниями и советами относительно эпохи 20—30-х годов XIX вв. «Благодарю вас, любезнейший Михаил Николаевич, за все ваши библиографические хлопоты и указания»,— писал он. Любопытно, что с тем же он обращался к Соболевскому, но это был не Лонгинов, помогавший всем, кто к нему обратится за советом и помощью. Соболевский не только не помог Гаевскому, но еще, по своей милой привычке, оскорбил его. «От Соболевского я ожидал замечаний более деятельных и во всяком случае более учтивых»,— писал Гаевский⁶⁸.

Полны благодарностей письма директора Императорской Публичной библиотеки М. А. Корфа. Он благодарит Лонгинова не только за ценные приношения библиотеке, но и за поддержку его собственных трудов. Принося благодарность за отзыв на его книгу о Сперанском, Корф пишет: «Ваше мнение, как всегда независимое, как всегда отдающее справедливость всякому добросовестному стремлению, как, наконец, высоко уважаемое не только всеми истинными литераторами, но и всеми, еще не потерявшими веры в достоинство и святость печатного слова,—это мнение особенно для меня драгоценно»⁶⁹.

Письма товарищей по цеху — Геннади, Полторацкого, Соболевского,—будь они опубликованы, дали бы богатый материал для построения подлинной истории русской библиографии середины XIX в. Цитировать их в пределах этой статьи невозможно: их надо издать полностью. Замечу только, что все они ставили Лонгинова на первое место в современной им библиографии. Геннади предлагал ему совместную работу по составлению репертуара

русской книги, причем «отдавал» ему весь XVIII в. Полторацкий предоставлял в его распоряжение свою библиотеку и собрание рукописных материалов, которые тот, как более активный автор, и использовал. Соболевский предложил ему составить план репертуара отечественной периодики, считая, что кроме него эту работу не выполнит никто.

Таким образом, можно без преувеличения сказать, что как в научных, так и в книговедческих кругах Лонгинов пользовался громадным авторитетом — и как непревзойденный знаток, и как добрый товарищ, к которому можно было без стеснения обращаться с любыми, самыми трудоемкими просьбами, зная, что он все выполнит со свойственной ему добросовестностью.

В то же время эпигоны революционных демократов, такие, как Антонович и вся компания последобролюбивского «Современника», а также «Искры», прилагали немалые усилия для создания образа «господина в одежде мандарина», который в те годы никак не соответствовал «имиджу», как теперь говорят, этого труженика, знатока и доброго человека. Люди, составившие о нем мнение по этим писаниям, бывали при личной встрече поражены несоответствием его облика инсинуациям «прогрессивной» прессы. В поношение Лонгинова в 60—70-е годы XIX в. активно включился бывший друг И. С. Тургенев. Его письма к общим знакомым полны нелестных отзывов о Михаиле Николаевиче. В 1872 г. он предлагал П. В. Анненкову сыграть с Лонгиновым «злую шутку: взять да и напечатать его стихотворения за границей (с включением „Попа Пихатия“)»⁷⁰. Исследователи выражают сомнение в том, что такая книга была в самом деле выпущена, но

⁶⁸ ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов. 23141. Письма В. П. Гаевского. 8 ноября 1854 г. Л. 1.

⁶⁹ Там же. 23193. Письма М. А. Корфа. 16 декабря 1861 г. Л. 7.

⁷⁰ Тургенев И. С. Указ. соч. Т. 10. С. 62.

никто не обратил внимания на другое издание: Тургенев И. С. Поп: Эротическая поэма. Geneve: M. Elpidin libraire-édition. Тип. «Общего дела», 1887⁷¹. Это яркий пример исторического возмездия. Радовавшийся слухам о близкой смерти Лонгинова, Тургенев хранил в своем архиве рукопись «Попа Пихатия», собственноручно им переписанную, и редакторы приняли ее за его сочинение! А вот мнение человека иной ориентации: «Вниманием вашим я особенно дорожу,— писал ему П. А. Ефремов,— и ценю его очень высоко, потому что с первого же письма вашего, еще до личного знакомства, я увидел такого человека, перед которым я был много неправ, много, благодаря злым языкам редакции одного толстого журнала. Мне стыдно вспомнить прошлое, но лучше разом покаяться и снять с совести тяжесть, которая меня постоянно беспокоит (выражение, впрочем, слабое) с тех самых пор, как я вас узнал по переписке и потом лично»⁷². Это — 1868 г. Лонгинов уже губернаторствует в Орле. И надо было знать характер Ефремова, человека нетерпимого к фальши, прямого, резкого, чтобы в полной мере оценить это признание. Заметим, что Лонгинов в эти же годы не перестал быть ненавистником цензуры. Так, в 1864 г. он желал Ефремову успеха в борьбе «с евнухами печати»⁷³. Отношения этих двух корифеев отечественного библиофильства разрушила история с запрещением Радищева (о ней дальше).

Нелишним будет привести отрывок из неопубликованного эссе П. П. Пекарского «Учено-литера-

турная Москва» (1866), где он делится своими впечатлениями от встречи с Лонгиновым. «В английском клубе — новое знакомство с Михаилом Николаевичем Лонгиновым,— пишет он <...> — Почему-то я вообразил его себе расплывшимся господином, седым и едва дышащим от жира и негодования на нигилистов: однако на деле оказался хотя и полный, но без седины мужчина с мягкими манерами и голосом. Истинное или поддельное, но только радушие дышало в его обращении со мною»⁷⁴.

О любезности, приветливости, радушии Лонгинова, его стремлении удружить рассказывает и Я. Ф. Березин-Ширяев, посетивший его незадолго до смерти, когда Михаил Николаевич был уже начальником Главного управления по делам печати. Причем, заметим, что речь идет об отношении к человеку не его круга, которого их общий знакомый Соболевский третировал как мужика-выскочку. Березин-Ширяев отмечает и скромную обстановку, в которой жил уже сановный тогда Лонгинов. Сам он, разбогатевший биржевой маклер, жил куда роскошнее⁷⁵. Кстати, дом, в котором происходила эта встреча, цел и поныне.

Большой интерес представляют письма к Лонгинову двух крупнейших знатоков генеалогии русских дворянских родов, двух Рюриковичей — князей П. В. Долгорукова и А. Б. Лобанова-Ростовского, никогда, насколько мне известно, не публиковавшиеся. П. В. Долгоруков (которого, как считал П. Я. Эйдельман, власти боялись даже больше, чем Герцена, ибо он владел тайнами

⁷¹ Книга находилась в спецхране ВГБИЛ; в 1993 г. была представлена на выставке (см.: Цензура иностранных книг в Российской империи и в Советском Союзе: Каталог выставки. М. Май—июнь 1993 г. М., 1993. С. 62) — без комментариев. Очевидно, устроители выставки тоже приняли ее за сочинение Тургенева.

⁷² ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов. 23174. Письма П. А. Ефремова. 5 марта 1868 г. Л. 2.

⁷³ Цит. по: Шторм Г. П. Потаенный Радищев. 2-е изд. М., 1968. С. 33.

⁷⁴ РНБ. Ф. П. П. Пекарского. Учено-литературная Москва (неоконч.). 1866.

⁷⁵ Библиограф. 1892. № 2. С. 50—52.

дома Романовых) переписывался с Лонгиновым с 1856 г. Он также благодарил своего корреспондента за доставление всевозможных исторических сведений и просил новых. Письма его очень доверительны. Он называет Лонгинова дорогим другом, а русское правительство — «стародурами». В письме из Парижа от 9 мая 1860 г. князь подробно рассказывает, как он стал политическим эмигрантом, и сообщает, что сумел перевезти за границу все бумаги и рукописи и «семьсот томов русских книг, полную коллекцию русских писателей, от Авраамия Палицына до Михаила Лонгинова»⁷⁶.

С А. Б. Лобановым-Ростовским Лонгинова связывала тесная дружба. Князь был у его смертного одра и принял его последний вздох. Прямо в день смерти друга он обратился к М. И. Семевскому с большим письмом, в котором перечислил заслуги покойного и привел список его основных трудов. «Не могу вам выразить, в какой степени чувствуется мною эта потеря, — пишет он. — Не напечатаете ли вы в будущем № Русской старины несколько теплых слов об нем? (...) Его любимым занятием была история XVIII века, и в особенности история русской литературы. Множество статей его по этой части разбросаны почти во всех повременных изданиях, в том числе и в Русской старине. Самый значительный труд его — исследование о Новикове и московских мартинистах (Москва, 1867) и оставшаяся в рукописи история 28 июня 1762 г. (вступление на престол императрицы) Екатерины II), которая с тою добросовестностью, которая отличает все его труды, включает критический свод всех сведений, как иностранных, так

и русских, об этом достопримечательном дне. Он ее не предназначал для печати (...) и я, может быть, сделал нескромность, сообщив вам о ее существовании. Что касается до служебной деятельности покойного, то я вполне разделяю мнение ваше, что оценка ее была бы совершенно нехвата в некрологической заметке, тем более, что и мнение „русского общества“, о котором вы говорите, может быть подвергнуто сомнению»⁷⁷. В письмах к Лонгинову (с которым он был на «ты») Лобанов-Ростовский обменивается сведениями исторического и генеалогического характера. К тому же как крупный библиофил он имел много точек соприкосновения с Лонгиновым-собирателем, покупал для него книги за границей (в течение ряда лет он был русским послом в европейских столицах). Замечу по ходу дела, что той неопубликованной большой работы, о которой пишет Лобанов, в архиве Лонгинова в настоящее время нет! Между тем, вряд ли можно усомниться в том, что она там ко времени передачи всего архива в Пушкинский дом была...

Что же касается писем известных писателей Н. А. Некрасова, И. И. Панаева, И. С. Тургенева, А. А. Фета, А. М. Жемчужникова, А. К. Толстого, А. В. Дружинина, П. А. Вяземского, то они относятся к жанру «дружеских посланий» — иногда в прозе, иной раз в стихах. Все они свидетельствуют о дружеском отношении их авторов к Лонгинову. Из неопубликованных особого внимания заслуживают письма А. К. Толстого, относящиеся ко времени губернаторства Лонгинова (имение Толстого расположено было близ Орла). Они часто встречались, постоянно обменивались письмами

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 158. Лонгинов. 23164. Письма П. В. Долгорукова. 9 мая 1860 г. Л. 37.

⁷⁷ Там же. Арх. «Русской старины». Ф. 265. Оп. 2. № 1477. Письмо А. Б. Лобанова-Ростовского к М. И. Семевскому. Курсивом выделены места, подчеркнутые Лобановым-Ростовским.

и записками. Все 22 письма А. К. Толстого блистают остроумием: в них так и слышится голос одного из создателей Козьмы Прутков. Особенно хороши подписи: «Прижимаю тебя к самому центру моей особы», «Твой по горло», «Твой прочный А. Т.», «Твой сосед и богомолец» и, наконец, «Юнкер Шмидт»!⁷⁸

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В 1866 г. Лонгинов оставил службу у генерал-губернатора и покинул Москву. Время было тревожное. После выстрела Каракозова правительство снова обратилось к излюбленному методу — «тащить и не пущать». Однако, как мне представляется, причину отставки Лонгинова надо искать не здесь. Вероятнее всего, отъезд из Москвы объяснялся слабым здоровьем Александры Дмитриевны. Она часто болела, постоянно ездила на европейские курорты, но они помогли ей мало (она умерла молодой, не дожив и до 42-х лет). Болезненной была и дочь Елена. У Лонгиновых было имение в селе Архангельском Тульской губернии, в прекрасной, здоровой местности. Лонгиновы там поселились, но Михаил Николаевич без дела сидеть не мог. В 1865 г. он получил должность члена от правительства в Тульском губернском по крестьянским делам присутствии, а в следующем году был избран Крапивенским уездным предводителем дворянства, но в этой должности оставался недолго и снова был причислен к Министерству внутренних дел. Теперь он — действительный статский советник (затем — тайный). Он получил должность орловского губернатора, которую исправлял с 1867 до осени 1871 г. И. С. Тургенев в письмах на-

зывал его сквернейшим губернатором. К сожалению, Иван Сергеевич не объяснял, в чем эта скверность заключалась, а сохранившиеся в орловском архиве служебные бумаги не дают ответа на этот вопрос. Вероятно, Лонгинов был таким губернатором, как любой другой. Во всяком случае, тот же Тургенев и другие знакомые постоянно обращались к нему с просьбами именно как к начальнику губернии. В орловские годы укрепилась дружба Лонгинова с А. К. Толстым и А. А. Фетом (об этом — в мемуарах последнего). Кому жилось при Лонгинове вольготнее, так это актерам местного театра. Завзятый театрал с молодых ногтей, Лонгинов с особым попечением относился к людям театра, заботился об их нуждах, о репертуаре. Сохранились воспоминания известного русского артиста В. Н. Давыдова, в которых он пишет: «Кипела жизнь в Орле только в театре, к которому орловцы питали нежную любовь <...> Губернатором тогда был Михаил Николаевич Лонгинов, знавший каждого актера по имени и отчеству, постоянно делавший все ценные замечания»⁷⁹. Судя по письмам Лонгинова, и ему в Орле жилось прекрасно. В его распоряжении был отличный дом (сохранились старые фотографии), жена и дети чувствовали себя хорошо. У него часто гостили друзья — С. А. Соболевский, П. И. Бартенев. Постоянно навещали его А. К. Толстой с женою и А. А. Фет. Вероятно, Лонгинов и не помышлял об изменении своей участи, но в октябре 1871 г. он был назначен на пост начальника Главного управления по делам печати, и ему пришлось переехать в Петербург. По всей видимости, он не добивался этого назначения (он сменил генерала Шидловского, фи-

⁷⁸ Там же. Ф. 158. Лонгинов. 23285. Письма А. К. Толстого (1868—1871).

⁷⁹ Давыдов В. Н. Рассказы о прошлом. М., 1962. С. 66. (Театральные мемуары).

гуру поистине анекдотическую). Во всяком случае, он рассматривал свое пребывание в Петербурге как временное. Он не перевез своей библиотеки, не взял с собой дочерей (девочки остались в Москве на попечении бабушки Левшиной), но уже будучи назначенным, исполнял свои обязанности весьма ретиво. Если друзья — Фет, его зять И. П. Борисов, Барте-нев и другие — приняли известие о назначении Лонгинова с удовольствием (уж хуже Шидловского, при котором, между прочим, началось «обращение в бумажную массу» запрещенных книг, казалось, и быть ничего не могло), то петербуржцы восприняли это совсем иначе. Для них Лонгинов, по старой памяти и с подачи петербургской журналистики был только порнографом (хотя он давным-давно бросил это занятие и стыдился грехов молодости) и «гробокопателем»-библиографом. Вот что пишет А. В. Никитенко: «Лонгинова иначе не называют в публике, как Мишкой Лонгиновым. Он никогда не пользовался ни малейшим уважением в обществе (мы уже имели случай убедиться в том, что это не соответствует действительности.— Л. Р.). Репутация его всегда была репутацией непристойного весельчака, крикуна, человека, не способного ни к какому серьезному делу. В литературе он известен как собиратель разных исторических и литературных мелочей»⁸⁰.

Можно подумать, что это пишет образцовый советский исследователь. Но что правда, то правда: Лонгинов принялся искоренять крамолу во вверенной ему печати с невероятной энергией. Используя известный труд Л. М. Добровольского «Запрещенная книга в России», можно примерно представить себе, что было запрещено при Лонгинове за три года, т. е. с конца 1871 года до конца

1874 г., когда он по болезни уже фактически не участвовал в делах Главного управления по делам печати. Больше всего книг переводных. Назову лишь важнейшие. Это: «Социальная статика» Герберта Спенсера, «История французской революции (1848 г.) Луи Блана, «Политическая история новейшего времени» Вильгельма Мюллера, «Откуда мы, кто мы, куда мы?» Бюхнера, «История нравственности в Европе» В. Э. Г. Лекки и его же «История возникновения и влияния рационализма в Европе», «История Американских соединенных штатов» К. Ф. Неймана, «История революции 18 марта [«Парижская коммуна]» П. Ланжеле и П. Коррье, «Женское дело в Европе и в Америке» и др. Подчеркну, что в оригинале почти все эти книги были разрешены к обращению. Это очень существенный момент; к нему я еще вернусь. Из русских сочинений были запрещены полностью или частично: «Франция в 1871 году» Евгения Утина, «Исследования по текущим вопросам» В. В. Берви-Флеровского, «Лишение свободы как наказание исправительное» М. Ф. Прянишникова, «Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе» А. М. Скабичевского (ранее печатавшиеся в виде очерков на страницах «Отечественных записок»), пропагандистская брошюра М. К. Цебриковой «Дедушка Егор» и некоторые другие. Ряд произведений был запрещен за «безнравственность, неблагопристойность и циничность», но о них и говорить нечего. В целом за время управления Лонгинова было запрещено около 30 книг, гораздо больше, чем за предшествующие три года. Но «славу» гасителя принесли ему вовсе не эти запрещения, о которых (исключая истории со Скабичевским) не вспоминает ни один современ-

⁸⁰ Никитенко А. В. Указ. соч. Т. 3. С. 217.

ник, а анекдоты, вроде того, что он запретил Чарлза Дарвина. Этот слух до того широко распространился, что даже друг-приятель благороднейший А. К. Толстой написал по этому поводу широко известное «Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме». Советские исследователи любят цитировать эти стихи для посрамления Лонгинова, забывая о двух обстоятельствах: во-первых, это стихотворение ярко антиинигилистическое; во-вторых, Толстой прежде всего послал его адресату и получил от него ответ в стихах же, в которых сказано, что он и не думал запрещать Дарвина. Тем не менее даже в современных работах этот анекдот подается как истинное происшествие.

Гораздо серьезнее другая история, действительно имевшая место, — запрещение и физическое уничтожение двухтомника Радищева, подготовленного П. А. Ефремовым. Этот эпизод излагается в каждом сочинении, посвященном Радищеву, поэтому я ограничусь лишь беглым упоминанием. «Сочинения» Радищева были отпечатаны в апреле 1872 г. В первый том вошло знаменитое «Путешествие» (с некоторыми купюрами, сделанными самой редакцией), во второй — ода «Вольность» и другие сочинения. Цензурный комитет нашел, что купюр в «Путешествии» недостаточно, но более всего «противоцензурной» оказалась «Вольность». В конце концов, после долгих дебатов, оба тома были уничтожены (в июле 1873 г.). А. П. Толстяков, обратившийся к документам, высказал мнение, что Лонгинов не подал в совете Главного управления по делам печати голоса за запрещение Радищева⁸¹. Косвенным подтверждением этого могут служить

и слова Лонгинова, сказанные им Я. Ф. Березину-Ширяеву: «„Вадим“ Княжнина, за исключением некоторых строф, был перепечатан в „Русской старине“». Но от этого исключения нисколько не утратил своего литературного достоинства. То же можно сказать и о известной книге Радищева, которая может быть вновь напечатана с некоторыми исключениями в тексте»⁸². Разговор происходит 13 мая 1873 г. Судьба издания Ефремова еще не была решена окончательно. Во всяком случае, доподлинно известно, что Ефремова не привлекли к ответственности за напечатание крамольной книги, как это практиковалось в то время (и чего ожидал сам Ефремов). Это, надо полагать, заслуга Лонгинова. Старинный друг Ефремова Е. И. Якушкин писал ему: «Что Радищев будет сожжен, — я в этом нисколько не сомневался, я боялся только, чтобы Вас не опалило этим же огнем. Рад, что этого не случилось»⁸³.

С именем Лонгинова связывают и принятие «Временных правил» 1872 г., по которым положение печати становилось еще более стесненным. Согласно им, можно было преследовать книгу и ее издателя административным порядком, минуя суд присяжных (выносивших частенько оправдательные вердикты). Если вдохновителем их был действительно Лонгинов, то это самый тяжкий грех его перед несчастной российской печатью. Но достоверность этого опровергнуть или подтвердить весьма сложно: существовал Совет Главного управления по делам печати; голоса его членов были вовсе не фикцией. Важные решения принимались коллегиально. Еще одно обстоятельство надо помнить твердо: Лонгинов вступил в должность сразу

⁸¹ Толстяков А. П. К истории издания и запрещения «Сочинений» Радищева 1872 года: (по неопубликованным материалам)//Книга: Исслед. и материалы. 1982. Сб. 44. С. 126—137.

⁸² Библиограф. 1890. № 2. С. 55—56.

⁸³ РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. № 451. Л. 69 (письмо от июля 1873 г.).

после процесса Нечаева, материалы которого, в том числе людоедский «Катехизис революционера», печатались в июле — августе 1871 г. в «Правительственном вестнике» и потрясли всю Россию. Сбывалось то, о чем Лонгинов предупреждал еще в 60-х годах, чего он так страшился и что закончилось убийством лучшего из российских императоров накануне дарования им конституции. Бесы правили бал, а близорукое общество благодуствовало.

Так что позицию Лонгинова, давнего борца с нигилизмом, можно понять. Но сам он (вот что любопытно!) вовсе не считал себя ретроградом. Он держался четкой установки: для образованных людей (кроме всего прочего, свободно читающих на основных европейских языках) можно позволять любые, даже самые крамольные сочинения, но для зеленой молодежи — нет. Для нее это отравка. Поэтому-то и разрешались те книги в подлиннике, которые в переводах строжайше запрещались. Оттого в журналах для немногих можно было печатать то, что запрещалось для популярных изданий. Эту линию Лонгинов проводил неуклонно. Он говорил посетившему его в апреле 1873 г. Я. Ф. Березину-Ширяеву: «Я никогда не был гонителем либеральной мысли, но не могу позволять печатать того, чего не позволяет не только закон, но и само приличие. У нас многие недовольны строгостью цензуры, не позволяющей печатать в журналах и газетах либеральные рассуждения о политике и современных вопросах <...> Я всегда был противником стеснительных мер и стараюсь, по возможности, позволять печатать все, что имеет значение для истории литературы. Например, почему не допустить печатать такие исторические

материалы или литературные произведения (речь идет о сочинениях Радищева, Княжнина и т. п. — Л. Р.) в „Русском архиве“ или „Русской старине“, имеющих целью собирать и сохранять их для потомства. Эти издания читают люди образованные или достаточно знакомые с историей и литературой»⁸⁴.

За Лонгиновым — начальником Главного управления по делам печати числятся и добрые дела: при нем вышло последнее прижизненное издание стихотворений Некрасова и — что еще важнее — первое в России собрание сочинений казненного К. Ф. Рылеева. В последнем случае роль Лонгинова была особенно значительной. Издание было подготовлено П. А. Ефремовым в пользу дочери поэта Настасьи Кондратьевны. Петербургский цензурный комитет не хотел его пропускать. И тут Лонгинов — через министра внутренних дел — обратился за разрешением к Александру II и получил его, о чем сообщил особым письмом Н. К. Рылеевой от 2 июля 1872 г.⁸⁵

Еще об одном мероприятии Главного управления по делам печати, по всей вероятности, осуществленном по инициативе Лонгинова, следует рассказать в заключение. Это — издание «Указателя по делам печати». Информация о вновь вышедших книгах осуществлялась цензурным ведомством и публиковалась в «Правительственном вестнике» с 1869 г., но она не могла удовлетворить потенциальных потребителей: материал подавался без отчетливой систематизации, вспомогательные указатели отсутствовали. Специальный циркуляр 24 от 28 мая 1872 г. объявлял об организации более богатого сведениями издания — «Указателя по делам печати». В программу этого журнала, выходящего

⁸⁴ Библиограф. 1890. № 2. С. 56.

⁸⁵ Декабристы. С. 293 (письмо было передано через П. А. Ефремова. Следовательно, в июле 1872 г. их отношения еще были хорошими).

го два раза в месяц, входили: 1) указатель новых русских книг, 2) алфавитные списки иностранных книг, рассмотренных иностранной цензурой, 3) списки драматических сочинений, рассмотренных драматической цензурой, 4) сведения о выходящих в России повременных изданиях, 5) сведения о типографиях и книготорговых предприятиях и, наконец, разнообразная информация, касающаяся книжного дела в целом. Журнал имел неожиданный успех; пришлось допечатывать два первых номера тиражом гораздо большим, чем планировалось. Оказалось, что он необходим всем деятелям книги. Да и в самой его программе чувствовалась рука библиографа. Когда Лонгинова не стало, «Указатель» начал выходить все менее регулярно, так что в 1876 г. его взяла в аренду группа петербургских книгопродавцев, и из официального издания он превратился в частное.

В этом очерке не нашлось места рассказу о Лонгине как авторе библиографических указателей — это должно стать темой отдельного исследования. Возможно, в него будет, после дополнительных архивных разысканий, включен и «Указатель по делам печати».

23 января 1875 г., на рассвете, Михаил Николаевич Лонгинов скончался. Через три дня в «Московских ведомостях» был напечатан некролог (без подписи, но, по всей видимости, принадлежащий перу М. Н. Каткова), который настолько верно характеризует образ Лонгинова и его общественную позицию, что остается только процитировать его.

«Помянем покойного добрым

словом, которого он вполне заслуживает. Это был цельный и крепкий характер. Это был один из редких у нас людей, способных к серьезному убеждению, которое ни перед чем не смущается. Он не боялся, не стыдился сказать вслух, что у него бывало на уме. Он никогда не отступал, не уклонялся, не вилял пред тем, что признавал за справедливое, полезное или должное <...> Его ум, просвещенный и трезвый, не легко давался на обман; его нельзя было ни соблазнить лестью лживой популярности, ни застрашать опасностью прослыть обскурантом. Он шел твердо своим путем, не смущаясь криками, и службу свою, на которой застигла его смерть, справлял не просто *ex officio*, но с энергией и честностью живого убеждения <...> Он не был обскурантом, каким хотели ослабить его. Он чтит интересы науки, высоко ценил дары цивилизации, был поклонником искусства и литературы. По тому-то самому он был непримиримым врагом мошенников пера и разбойников печати»⁸⁶.

М. Н. Лонгинов был погребен на престижном Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, под прекрасной мраморной плитой. Но напрасно стали бы мы искать его могилу: в 1936 г., когда в нашей стране генеральной чистке были подвергнуты не только живые, но и мертвые, прах М. Н. Лонгинова был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища, и теперь он покоится рядом с теми, с кем при жизни дружил и с теми, с кем так яростно воевал.

⁸⁶ Моск. ведомости. 1875. № 24.